

УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИИ

Малков С.Ю., д.т.н., Центр проблем СЯС Академии военных наук

Работа поддержана РФФИ (проекты № 04-06-80225, №06-06-80031).

Введение

Современная эпоха отличается высокой динамичностью и нестабильностью протекающих политических, социально-экономических, демографических процессов. С одной стороны, глобализация все интенсивнее охватывает различные сферы жизни общества, делая мир все более взаимосвязанным. С другой стороны, - налицо нарастание межцивилизационных противоречий и конфликтов во многих регионах планеты. В семидесятые годы прошлого столетия широкой популярностью пользовалась теория конвергенции, в соответствии с которой существующие различия между странами мира будут постепенно стираться по мере развития научно-технического прогресса и распространения новейших социальных технологий. События, последовавшие после распада СССР, продемонстрировали обратное. Прекращение противостояния двух глобальных идеологических систем привело не к повышению единства мира, а к резкому усилению межцивилизационных напряжений, наличие которых до этого не казалось столь критичным. Тема усиливающихся противоречий между странами Запада, с одной стороны, и мусульманским миром и другими цивилизационными комплексами, с другой, стала центром острых дискуссий со времени выхода в свет книги С.Хантингтона "Столкновение цивилизаций" [1]. Мнение многих аналитиков на эту проблему сводится к следующему: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись". Эта ставшая крылатой фраза Р.Киплинга акцентирует следующую мысль: между Западом и Востоком существует не просто различие, но полная противоположность, которую невозможно преодолеть с помощью частных компромиссов. "Либо – либо", третьего не дано.

Не слишком ли это сильное утверждение? По существу, оно означает, что Запад и Восток – устойчивые самовоспроизводящиеся цивилизационные системы, подчиняющиеся логике самоорганизации на основе различающихся институциональных принципов. Причем эти принципы не просто различны, но противоположны, вследствие чего промежуточные организационные формы неустойчивы: рано или поздно обществу неизбежно приходится самоопределяться в своей принадлежности или к Западу или к Востоку.

Так ли это?

Ответ на этот вопрос особенно актуален для России. Находясь между Западом и Востоком, Россия не раз пыталась пойти и по западному и по восточному пути развития. К поворотным моментам ее цивилизационного самоопределения можно отнести и выбор государственной религии князем Владимиром Святославичем, и определение Александром Невским стратегии обороны России в условиях жесткого военного давления на нее с востока и запада, и "смутное время" начала XVII века, и реформы Петра Первого, и идейную борьбу славянофилов и западников первой половины XIX века, и судьбоносные события начала XX века. Переживает Россия такой период и сейчас.

Однако исторический опыт показывает, что попытки России пойти как по западному, так и по восточному пути развития не имеет особого успеха. Почему возникают постоянные трудности при адаптации зарубежного опыта на российской почве, почему ей приходится постоянно торить свою дорогу? Этим темам посвящены десятки книг, но единого мнения нет. Мы попробуем взглянуть на данную проблему, используя методы синергетики - науки, изучающей закономерности развития и самоорганизации сложных динамических систем в разных условиях существования [2]. Надеемся, что кое-что станет более ясным.

Рассмотрение проведем в три этапа. Сначала рассмотрим механизм обеспечения устойчивости социальных структур, попытаемся ответить на вопрос: что является причиной воспроизводства социальных институтов, форм правления, национальных традиций и т.п. Затем применим наши знания к анализу устойчивости цивилизационной дилеммы «Запад - Восток». И в заключение

обсудим специфику исторического пути России и проблемы ее цивилизационного самоопределения.

1. Устойчивость социально-экономических систем

Проблема устойчивости социально-экономических систем (СЭС) имеет общий характер и актуальна для обществ различного типа. Для определенности будем рассматривать сложные общества, имеющие собственную государственность. Главной целью государства и общества в целом является сохранение своей идентичности («выживание») и обеспечение поступательного устойчивого развития в складывающихся исторических условиях [3]. Сила и «живучесть» социума зависят от:

- 1) имеющегося у него материально-технического потенциала (*экономический* аспект),
- 2) эффективности государственного управления (*организационный* аспект),
- 3) духовно-идеологического единства граждан (*социально-психологический* аспект).

Первый компонент обеспечивает экономическую и военную независимость государства, способность удовлетворить материальные потребности граждан.

Второй компонент технически обеспечивает согласованность действий всех экономических, политических и социальных структур в государстве во имя достижения общих национальных целей.

Третий компонент согласовывает интересы различных групп населения, снижая уровень конфликтности в обществе.

Дестабилизация любого из этих компонентов приводит к ослаблению государства, к неспособности сохранять свой суверенитет и к фактическому распаду государственных структур (или подчинению их внешней силе). В ходе своего развития каждое государство стремится улучшить свое состояние во всех трех указанных аспектах. Это осложнено ограниченностью ресурсов и противоречивостью интересов различных социальных слоев (внутренней конкурентной борьбой в обществе). Но это еще не все возникающие сложности, есть проблемы *системного* плана - не столь очевидные, но, тем не менее, чрезвычайно важные. На них мы и остановимся ниже.

Развитие трех указанных сфер жизни общества (экономической, организационной, социально-психологической) может происходить в разных направлениях. В *экономической* сфере спектр возможных изменений лежит в диапазоне от максимизации регулирующей и распределительной роли государственных структур в национальной экономике до радикальной либерализации рыночных отношений и минимизации роли государства. В *организационной* сфере - от выстраивания организационных структур *сверху* по иерархическому принципу с концентрацией всей полноты власти в центральных органах управления до формирования структур социального управления *снизу* на основе принципа субсидиарности (то есть сосредоточения реальной власти на местах и делегирования наверх лишь части управленческих функций, связанных с обеспечением в стране надлежащего уровня стабильности, безопасности и порядка). В *социально-психологической* сфере - от культивирования коллективистских ценностей, признания приоритета общественных интересов над личными до укрепления индивидуалистических начал, утверждения приоритетности личных интересов над общественными.

Насколько свободно общество в выборе конкретного пути развития из этого спектра возможностей, все ли из имеющихся путей равнозначны с точки зрения их реализуемости в заданных условиях?

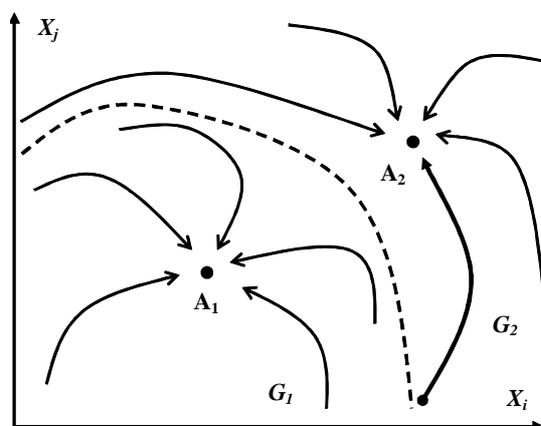
Ответить на этот вопрос помогает математическое моделирование. Общая схема моделирования следующая.

Пусть X - вектор переменных, характеризующих состояние государства в экономической, политической, военной и других сферах, тогда функционирование государства может быть описано через динамику этих переменных с помощью системы дифференциальных уравнений вида [4]:

$$dX/dt = f\{t, X(t), F(X(t-t)), u(t, W, Z, \Theta)\} = f\{X, a\}, \quad (1)$$

где $F(X(t-t))$ - функционал, учитывающий влияние на текущее состояние системы ее предыдущих состояний (традиции, инерционность реакции системы на воздействия и т.п.); $u(t, W, Z, \Theta)$ - управляющие воздействия на систему органа управления (правительства); W - вектор различных ресурсов государства; Z - целевая функция органа управления (правительства), характеризующая желаемое состояние государства; Θ - эффективность реализации органом управления (правительством) поставленной цели; a - совокупность параметров модели.

В общем случае решение системы (1) имеет вид фазовых траекторий в пространстве переменных X (см. [рис.1](#)), причем, как правило, при заданных внешних условиях у рассматриваемой социально-экономической системы существует несколько устойчивых состояний-аттракторов A_i с соответствующими областями притяжения G_i .

[Рис.1.](#) Типовая структура фазового пространства социальной системы с двумя устойчивыми состояниями A_1 и A_2 и соответствующими им областями притяжения G_1 и G_2 .

Сформированные в обществе принципы управления и механизмы социальной самоорганизации *удерживают* СЭС в одном из возможных аттракторов. Вследствие этого переходы системы из одного аттрактора в другой возможны *только* в результате существенного изменения либо внешних условий, либо механизмов самоорганизации, либо целенаправленного изменения "правил игры" (например, путем смены политического курса, проведения социально-экономических реформ и т.п.).

Таким образом, СЭС обладают свойством эквифинальности [2]: в ходе своего развития они эволюционируют к некоторым локально устойчивым состояниям-аттракторам, количество которых ограничено. Все остальные состояния неустойчивы. При этом самопроизвольные переходы между состояниями-аттракторами невозможны (поэтому эти состояния иногда называют «институциональными ловушками») и реализуются лишь в результате активных воздействий на систему. Рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие данные положения применительно к различным сферам жизни общества.

А) Первый пример – из экономической сферы.

Исследования экономики как развивающейся системы показывают [5, 6], что вопреки широко распространенному мнению о единственности рыночного равновесия в рыночной экономике возможно *несколько* устойчивых (равновесных) состояний с разной продуктивностью производства и уровнем жизни населения (механизм возникновения нескольких устойчивых состояний описан, например, в [6, 7]). В эволюционной экономике они называются институциональными ловушками, в теории развивающихся систем - аттракторами. Переход из высокопродуктивного в низкопродуктивное устойчивое состояние воспринимается как экономический кризис («Великая депрессия» в странах Запада в конце двадцатых годов прошлого века; кризис девяностых годов в России, см. [рис.2](#)). Переход из низкопродуктивного состояния в высокопродуктивное воспринимается как «экономическое чудо» (быстрое возрождение экономик Германии и Японии после Второй мировой войны и т.п.), которое может быть осуществлено только в результате целенаправленных мер *государственного регулирования* (реформирования) экономики.

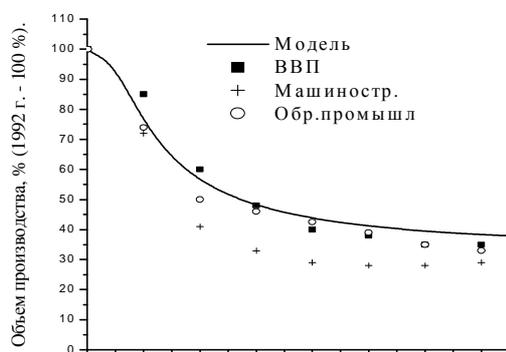

Рис.2. Сравнение динамики экономики России после начала реформ (в период с 1992 по 1999 годы) с расчетами по модели [7]

Исследование и моделирование институциональных ловушек и переходов между ними - важное направление современной экономической науки. Не имея возможности осветить все детали этой серьезной темы, отсылаем читателя к работам [5, 6, 7, 8]. Для нас здесь важно, что реально в жизни каждого социума постоянно происходит стихийный или целенаправленный поиск баланса между рыночными и государственными механизмами регулирования экономики. Причем этот баланс *неустойчив* и приводит то к примату рыночной стихии (как в либеральных экономиках Запада), то к жесткому государственному управлению (как в СССР и других странах социализма). При этом важнейшее влияние на развитие экономики оказывают поведенческие стратегии принятия решений экономическими субъектами. Важная роль «человеческого фактора» в создании условий для перехода общества от одного состояния к другому характерна и для других сфер жизни общества.

Б) Второй пример относится к организационной сфере, к области социального управления.

Исследования эффективности различных систем социального управления показывают [9], что с точки зрения минимизации затрат на поддержание управляемости общества оптимальными являются две структуры: в первой актуализированы только связи, направленные от органов управления вниз по иерархической вертикали, во второй - актуализированы все связи между объектами и субъектами управления и управляемые имеют реальную возможность влиять на управляющих.

Первая структура - это *директивная* система социального управления (ССУ), простейшая схема которой представлена на рис.3.

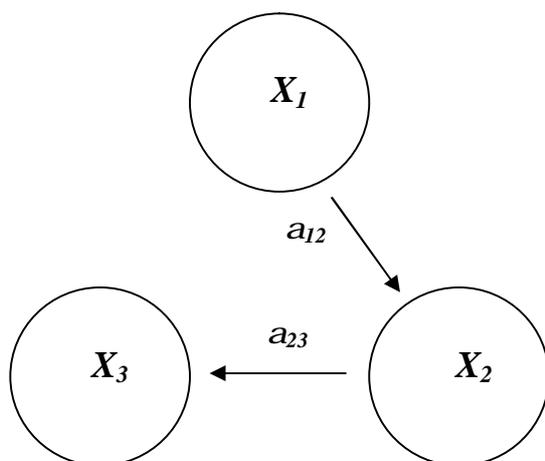

Рис.3. Схема директивной системы социального управления.

Здесь X_1 - центральная власть, X_2 - местные органы управления, X_3 - объект управления, a_{ij} - интенсивность управляющего воздействия на X_j со стороны X_i . Рисунок отражает тот факт, что в такой системе социального управления актуализированы вертикальные управленческие связи, исходящие их единого центра, а обратные связи отсутствуют или очень слабы (носят лишь информационный характер). Преимуществами такой системы управления являются [10]:

- возможность обеспечения высокой согласованности действий всех подсистем за счет наличия общего координирующего центра,

- быстрота прохождения управляющих сигналов к каждому элементу,

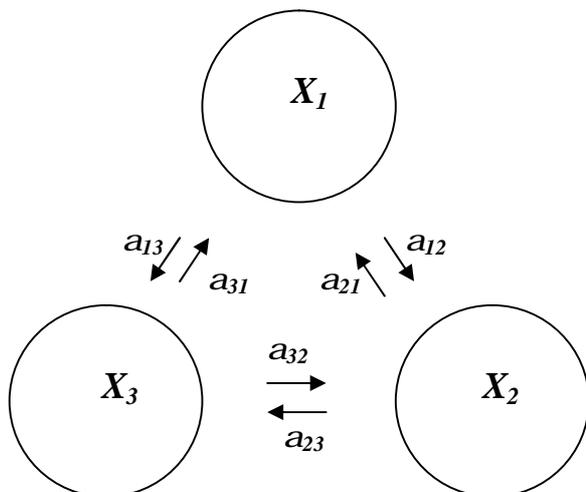
- четкое разделение исполнительных функций между элементами системы,

что делает ее эффективным средством быстрого реагирования на возникающие *внешние* угрозы. Такие системы управления формируются в ситуации, когда обществу противостоит внешний враг и существует резкое деление на "своих" и "чужих". "Свои" объединены общей целью - обеспечением коллективного выживания перед лицом внешних угроз. В условиях перманентного противостояния "чужим" требуется эффективная центральная власть, способная сформулировать единые задачи, организовать совместную деятельность "своих", защитить их от посягательств извне.

Мобилизационные функции центральной власти предполагают безусловное выполнение выдаваемых приказаний. Такую систему управления можно охарактеризовать как «*объединение слабых вокруг сильного*».

Недостатком этой системы управления является то, что в силу слабости обратных связей она излишне консервативная. Директивные системы обладают низкими адаптационными возможностями. При значимом изменении внешних (и внутренних) условий их эффективность резко снижается, они дестабилизируются и нередко погибают. Однако если ситуация стабильна, то такие системы относительно устойчивы. При этом в них происходит постепенное усиление центральной власти ("власть рождает власть" [11]), возникает и укрепляется ситуация "общество для власти", а не "власть для общества". Власть концентрирует стратегические ресурсы в своих руках, становится неподконтрольной и самодовлеющей, формирует структуру общества под себя по иерархическому принципу.

Вторая структура системы социального управления (с актуализацией всех - прямых и обратных - связей между элементами системы) может быть названа *адаптивной*. Она строится по-другому и возникает в обществе, где нет жесткого разделения на "своих" и "чужих". Каждый субъект преследует свои личные интересы, рассчитывает на собственные силы, общей цели нет. Несколько утрируя, можно сказать, что это - сообщество "чужих", экономически слабо зависящих друг от друга. В этих условиях роль центральной власти в обществе изменяется, у нее исчезают мобилизационные функции, она не формулирует общие цели. Ее задача - согласовать и утвердить общие правила игры и контролировать их соблюдение. Причем эти правила игры должны быть едиными для всех субъектов и не давать кому-либо явных преимуществ. Учет интересов общества осуществляется за счет выборности органов управления. Экономическая независимость субъектов ограничивает возможности давления на них со стороны власти. Наоборот, общество имеет возможность влиять на власть путем ее периодического переизбрания, не допуская чрезмерного ее усиления. Общество такого типа основано на принципе «сдержек и противовесов» и может быть охарактеризовано как «*объединение слабых против сильного*». Простейшая схема адаптивной системы управления представлена на [рис.4](#).

[Рис.4](#). Схема адаптивной системы социального управления.

Здесь обозначения те же, что и на [рис.3](#). Высокая адаптивность системы и возможность согласования интересов субъектов обеспечивается актуализацией всех прямых и обратных связей между ними. Величина векторов на рисунке характеризует интенсивность внутренних взаимодействий в системе, необходимых для обеспечения ее устойчивого функционирования [9]. Недостатком данной системы социального управления является ее низкая эффективность в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств, что связано со сложностью экстренной мобилизации значительных ресурсов в обществе независимых субъектов и с длительностью процедуры согласования управленческих решений.

Как уже отмечалось, затраты на обеспечение управляемости структур, изображенных на [рис.3](#) и [4](#), относительно невелики. Промежуточные структуры (с неполным набором актуализированных прямых и обратных связей) более затратны и менее эффективны [9]. Таким образом, отклонение от рассмотренных структур приводит к снижению эффективности и повышению затратности систем управления и поэтому невыгодно. Вследствие этого рассмотренные системы управления, обладая преимуществом по отношению к остальным, устойчиво воспроизводятся: *адаптивная* - в

индустриальных странах Запада («западные демократии»), *директивная* - во многих странах Востока. Страны, которые пытаются сочетать элементы обеих систем управления, как правило, не отличаются политической стабильностью (примерами этому являются политические события последних лет на Украине и в Киргизии).

В) Третий пример относится к социально-психологической сфере.

Как было отмечено выше, устойчивое существование тех или иных экономических и организационных структур во многом обусловлено социально-психологическими факторами, принципами принятия решений, господствующими в обществе представлениями о «добре» и «зле», о нравственности, этичности тех или иных поступков.

Как влияет этика на экономику и политику? Каковы закономерности формирования этических норм в обществе, проявляется ли здесь свойство эквивифинальности? Возможно ли существование устойчивых этических систем, и если «да», то что обеспечивает эту устойчивость?

Большой вклад в решение этих вопросов внесли исследования В.А.Лефевра [12, 13]. Им доказано существование двух этических систем, одна из которых основана на запрете зла (так называемая *первая этическая система*), другая - на декларации добра (*вторая этическая система*). В первой системе одобряется стремление к компромиссу с партнером, во второй - считается правильным противопоставление себя партнеру. По мнению В.А.Лефевра, первая система реализовалась в американской культуре, вторая – в советской. В [14] были рассмотрены вопросы формирования этих этических систем. Было показано, что они есть ни что иное, как психологические аттракторы (устойчивые состояния) в динамической системе взаимоотношений социальных субъектов (индивидов, фирм, общественных организаций, государств и т.п.). Взаимоотношения этого типа описываются моделью конкуренции [15], которая в простейшем случае имеет вид системы дифференциальных уравнений:

$$du_i/dt = a_i \cdot u_i - \sum_{j=1}^N b_{ij} \cdot u_i \cdot u_j - c_i \cdot u_i^2, \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N. \quad (2)$$

Здесь t - время; u_i - показатель, характеризующий «силу» (степень влияния, доминирования и т.п.) i -го субъекта в момент времени t . Член $a_i \cdot u_i$ описывает воспроизводство (возобновление) «силы» i -го субъекта. Члены $b_{ij} \cdot u_i \cdot u_j$ отражают антагонистическое взаимодействие социальных субъектов (аналог межвидовой борьбы в биологии), их численные значения характеризуют ущерб, нанесенный j -ым субъектом i -ому субъекту в ходе противодействия. Член $c_i \cdot u_i^2$ учитывает «эффект тесноты», то есть относительное снижение «силы» i -го субъекта вследствие внутривидовой борьбы, ресурсных ограничений, эффектов насыщения и т.п.

Известно [15], что в зависимости от соотношения параметров a_i , b_{ij} и c_i система (2) имеет разную структуру аттракторов. Например, при $N = 2$ возможны две основные ситуации. При $c_i/b_{ji} > 1$ (то есть когда межвидовая борьба в значительной степени подавлена) в системе возникает устойчивое *сосуществование* конкурирующих субъектов. Эта ситуация отражена на [рис.5](#), где изображена динамика изменения соотношения «сил» субъектов в виде фазовых траекторий системы (2) на плоскости (u_1, u_2) .

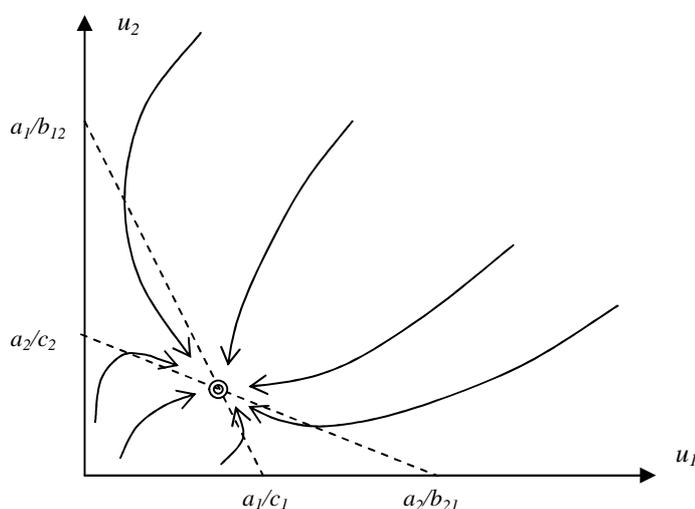

Рис.5. Динамика изменения "силы" субъектов в ходе конкурентной борьбы в системе с $c_i/b_{ji} > 1$ (пунктирные линии - изоклины, точка - устойчивое состояние с координатами u_{01} и u_{02})

Видно, что для произвольного начального соотношения «сил» u_1 и u_2 в результате конкуренции через определенное время в системе устанавливается равновесное состояние, в котором «силы» субъектов принимают стабильные значения u_{01} и u_{02} .

В обратной ситуации, когда $c_i/b_{ji} < 1$, конкурентная борьба в системе (2) приводит в конечном итоге к победе одного из субъектов и уничтожению другого, причем побеждает тот субъект, у которого соотношение параметров c_i/b_{ji} имеет меньшее значение. Коэффициент c_i характеризует интенсивность внутривидовой борьбы, остроту внутренних противоречий. Коэффициент b_{ji} характеризует жесточенность межвидовой борьбы, беспощадность к внешнему врагу. (Другими словами, коэффициент c_i характеризует антагонистичность отношений в системе «свой - свой», а коэффициент b_{ji} - в системе «свой - чужой».) Ситуация антагонистической конкуренции изображена на рис.6.

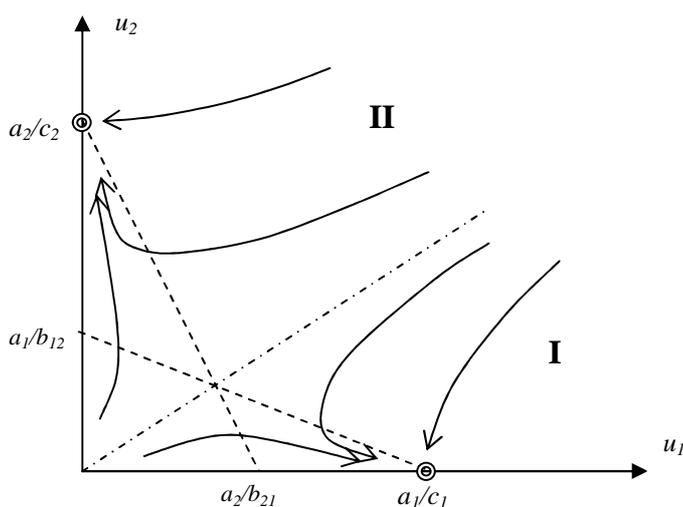

Рис.6. Динамика изменения "силы" субъектов в ходе конкурентной борьбы в системе с $c_i/b_{ji} < 1$ (пунктирные линии - изоклины, штрих-пунктирная линия - сепаратриса, точки - устойчивые состояния)

Из сказанного явствует, что в указанных ситуациях стратегии обеспечения устойчивости и «живучести» социальных субъектов прямо противоположны. В рамках первой ситуации стабильность и устойчивость социальной системы достигается в случае, если взаимодействующие субъекты толерантны, способны к выработке компромиссных решений с конкурентами (то есть величины b_{ji} имеют низкое значение). В рамках второй ситуации в лучшем положении оказывается тот субъект, который сможет достичь единства и внутренней бесконфликтности (то есть уменьшит значение c_i), но будет бескомпромиссен и агрессивен по отношению к конкурирующим субъектам (то есть увеличит значение b_{ji}). Понятно, что в рамках первой ситуации формируется и закрепляется первая этическая система, а в рамках второй ситуации - вторая этическая система. Состояние с $c_i/b_{ji} \approx 1$ неустойчиво, это точка бифуркации. Здесь нет оптимальной стратегии, высока вероятность стрессовых ситуаций.

Анализ модели (2) позволяет лучше понять логику возникновения и социальные функции рассматриваемых этических систем. Начнем со второй этической системы. Она направлена на минимизацию отношения c_i/b_{ji} в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. Снижение конфликтности среди «своих» и повышение согласованности их действий (то есть уменьшение значения c_i) достигается путем «декларации добра» - призыва к реализации общей целевой установки. При этом во взаимоотношении со «своими» возможен (и приветствуется) этический компромисс: любое средство достижения общей цели (которая и есть главное «добро») этически допустимо. Если же кто-то из «своих» отказывается стремиться к общей цели, он наказывается - переводится в разряд «чужих» (ostracism) - и с ним начинается бескомпромиссная борьба (высокое b_{ji} в отношении «чужих»). Почему борьба? - Потому что ресурс ограничен, на всех не хватит, «чужих» от него нужно отсечь. Либо перевоспитать (перевести в разряд "своих") и заставить делиться (то есть делать "добро") - тогда ресурса хватит. Таким образом, вторая этическая система – это своего рода ресурсосберегающая технология социального выживания коллектива «своих» в ходе конкурентной борьбы с «чужими».

В ситуации первой этической системы конкурирующие социальные субъекты не представляют собой коллективы «своих». Это - индивиды, каждый из которых преследует свою собственную цель (общего «добра» нет). Говорить об их единстве и согласованности действий бессмысленно, здесь значение c_i изначально большое. В этих условиях война всех против всех (повышение значения b_{ji}) губительна для общества в целом. Единственной разумной альтернативой является «мирное сосуществование» индивидов (снижение значения b_{ji}) на основе принятых всеми правил игры. Для этого нужна толерантность и готовность к компромиссу с «чужими» в пределах общепринятых рамок поведения, устанавливаемых посредством «запрета зла». Таким образом, «запрет зла» - это не средство организации совместных действий «своих» для достижения общей цели, не стимулирование данных действий через *поощрение*, а отсекание нежелательных действий через *наказание*. При этом наказывать или уничтожать провинившихся субъектов за нарушение правил игры не жалко, поскольку все они друг для друга - «чужие».

В свете сказанного становится ясно, почему первая этическая система реализовалась в американской культуре, а вторая - в советской.

США - страна эмигрантов, активных индивидуалистов (значение c_i - высокое), изначально не объединенных ни этнически, ни идеологически, ни каким-либо иным образом, кроме совместного проживания на общей территории. Это сообщество «чужих», каждый из которых преследует свои цели, но заинтересован в сотрудничестве (ради достижения этих целей) с остальными и в наличии общих правил игры, единых для всех без исключения. Отсюда - приверженность первой этической системе.

СССР - это государственное образование, родившееся в стране, растерзанной гражданской войной, разделенной на «своих» и «чужих», окруженной врагами, в условиях разрухи и нехватки самого необходимого, родившееся как сообщество «своих», объединенных общей целью - построением коммунизма (который и есть «добро» в конечной инстанции). Отсюда - логичная приверженность второй этической системе.

(Конечно, времена меняются. Уже нет СССР с его «железным занавесом»; современная Россия отказалась от концепции «врагов» и «друзей», стремится к поддержанию прагматичных партнерских отношений со всеми государствами. Внутри страны среди значительной части населения распространились либеральные взгляды, общество перестало быть однородным. С другой стороны, в США усиливается тенденция разделения мира на «своих» и «чужих», делается ставка на силовые действия на международной арене. Соответственно, отличие этических систем в России и США становится менее выраженным.)

Таким образом, можно констатировать, что выделенные В.А.Лефевром этические системы являются проявлением в разных условиях *одного и того же* механизма социальной самоорганизации, направленного на обеспечение "выживаемости" социальных субъектов в конкурентной борьбе. В условиях резкого позиционирования "свой - чужой" и дефицита жизнеобеспечивающих ресурсов в обществе закрепляется вторая этическая система, основанная на *декларации добра* среди "своих" и на жестком противостоянии "чужим". Если же общество состоит из независимых индивидов, преследующих различающиеся цели в условиях относительной достаточности ресурсов, то в нем закрепляется первая этическая система, основанная на *запрете зла*, установлении обязательных для всех правил общежития и способности индивидов к компромиссам с партнерами в рамках установленных правил.

Из сказанного видно, что условия, в которых находится общество, влияют на формирование в нем определенных социально-психологических установок. С другой стороны, как уже отмечалось выше, социально-психологические установки сами активно влияют на характер развития экономических и организационных процессов в обществе. В результате формируются устойчивые социальные состояния-аттракторы, в которых экономические, организационные и социально-психологические параметры не произвольны, а соответствуют друг другу вполне определенным образом. В [16] показано, что одним из таких социальных аттракторов является сочетание «рыночная экономика либерального типа - адаптивная система управления - первая этическая система», другим - сочетание «распределительная экономика - директивная система управления - вторая этическая система». К аналогичным выводам пришла С.Г.Кирдина, которая в [17] ввела понятие институциональных матриц - устойчивых социально-экономических состояний общества. Под Y-матрицей ею понимается сочетание следующих базовых социальных институтов: рыночная экономика, федеративное политическое устройство, субсидиарная (основанная на примате индивидуализма) идеология. X-матрица подразумевает антиномичное институциональное сочетание: редистрибутивная (распределительная) экономика, унитарное политическое устройство, коммунитарная идеология.

Переход из одного социального аттрактора в другой путем частных изменений в какой-либо одной сфере жизни общества невозможен: неизбежно возвращение «на круги своя» («хотели - как

лучше, а получилось - как всегда»). Более того, такие попытки, как правило, лишь дестабилизируют ситуацию, снижая устойчивость функционирования социально-экономических институтов. Задачей современной науки является поиск оптимальных путей перевода социально-экономических систем из одного устойчивого состояния в другое (более благоприятное) без социальных катаклизмов и с наименьшими издержками.

2. Дилемма «Запад - Восток»: закономерности различий

Вышеизложенное проливает свет на загадку исторической устойчивости дилеммы «Запад - Восток», о которой шла речь во введении и которую Р.Киплинг выразил знаменитой фразой «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Поясним сказанное.

Что имеют в виду, когда говорят о принадлежности общества к Западной цивилизации? - Прежде всего, предполагается его приверженность ряду основополагающих ценностей, к которым относятся:

- а) экономическая и политическая свобода, "права человека";
 - б) священная и неприкосновенная частная собственность;
 - в) демократия;
 - г) правовой характер общества, равенство всех перед законом;
 - д) разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.
- Соответственно, считается, что для Восточного общества характерны:

- а) ограничение личных свобод;
- б) примат общественной и государственной собственности над частной;
- в) авторитаризм в политике;
- г) неправовой характер общественных отношений, жизнь по традициям и "по понятиям", а не по формальным законам;
- д) концентрация различных видов власти в одних руках.

Анализ этих различий показывает, что все они отражают специфику отношений между обществом и центральной властью. При этом для Западного общества характерна оппозиция "сильное общество – слабая центральная власть" и сетевая структура социального управления; для Восточного общества характерна оппозиция "слабое общество – сильная центральная власть" и иерархическая структура управления.

Действительно, и гарантии личных свобод, и неприкосновенность частной собственности, и демократические процедуры контроля и смены власти, и провозглашение равенства всех перед законом, и недопущение объединения различных властных функций в руках одних и тех же лиц приводит, с одной стороны, к усилению индивидуализма, а с другой стороны, - к ослаблению центральной власти, ставит ее в зависимость от гражданского общества. Напротив, несоблюдение указанных принципов позволяет центральной власти усиливаться и в конечном итоге подчинить себе общество, диктовать ему свою волю.

Казалось бы, общество должно быть заинтересовано всегда идти по первому пути. Но что интересно: со времени образования первых государств возникновение и устойчивое существование политических демократий было редким исключением из правила (города-государства античной Греции, республиканский Рим, Западная Европа Нового времени). Правилom была смена одних режимов с жесткой авторитарной центральной властью на подобные же. Даже когда государства рушились в результате народных восстаний, вдохновленных идеями справедливости и равенства, в итоге устанавливались режимы, не менее (а часто – более) деспотичные, чем ранее.

В чем тайна постоянного самовоспроизводства общественных систем Восточного типа? Привлечем для ответа на этот и другие вопросы методы математического моделирования, о которых шла речь в предыдущем разделе.

Внутренняя организации и функционирования Западных и Восточных обществ такова, что в обществах первого типа приоритеты смещены в сторону достижения индивидуальных целей (максимизация всеми субъектами личных функций полезности); в обществах второго типа личность инкорпорирована в ту или иную социальную группу (слой) и приоритеты ее деятельности направлены на реализацию групповых интересов. То есть для Западных сообществ характерно наличие сильной *внутренней* конкуренции (примером этому является рыночная конкуренция частных производителей в западных индустриальных обществах), а для Восточных сообществ – преобладание *внешней* конкуренции (клан против клана, род против рода, государство против государства и т.п.). Математический анализ этих выводов на основе модели (2) (см. комментарий к рисункам 5 и 6) показывает следующее:

1) различие Запада и Востока - это отражение объективных законов самоорганизации общества: Западное общество соответствует состоянию социума с $c_i/b_{ji} > 1$, Восточное - состоянию с $c_i/b_{ji} < 1$.

Причина такого расхождения способов самоорганизации заключается в различии условий существования этих обществ. Так, социум с $c_i/b_{ji} > 1$ формируется при наличии разнообразных видов ресурсов и стремления к обмену ими на основе рыночных отношений, при этом внешние угрозы должны быть не велики (такая ситуация возникала в торговых и индустриальных обществах Запада). Условием формирования социума с $c_i/b_{ji} < 1$ является наличие внешнего врага, претендующего на главный ресурс - землю (такая ситуация постоянно воспроизводилась в земледельческих и кочевых обществах Востока);

2) указанные состояния являются *устойчивыми*, однако стабильность этих состояний сохраняется до тех пор, пока отношение c_i/b_{ji} заметно отличается от единицы. Когда $c_i/b_{ji} \approx 1$ общество неустойчиво, возможны социальные срывы и катаклизмы;

3) величина параметров c_i и b_{ji} определяется внутренними, в основном *социально-психологическими* факторами, вследствие чего общество может активно влиять на них, тем самым усиливая (или ослабляя) свою устойчивость. В социуме первого типа (в Западном обществе) целесообразно усиливать независимость социальных субъектов и инициировать конкуренцию между ними (то есть повышать значение c_i). Это реализуется за счет утверждения в обществе "западных ценностей" (см. выше) и развития рыночных отношений. С другой стороны, в таком обществе требуется снижение внешней конфликтности (то есть уменьшение b_{ji}), что естественным образом согласуется с необходимостью установления деловых и торговых контактов с партнерами по бизнесу вне зависимости от их гражданства, вероисповедания, идеологических пристрастий и т.п.

В социуме второго типа (в Восточном обществе) целесообразно усиление внутренней консолидации и сплоченности (снижение c_i), что достигается идеологическими (религиозными) и административными средствами. Одновременно необходимо усиливать противопоставление внешним силам (повышать значение b_{ji}), что часто достигается путем создания образа внешнего врага на этнической, конфессиональной, социальной основе;

4) различие стратегий обеспечения устойчивости обуславливает различие доминирующих социально-психологических установок и этических императивов в Западном и Восточном обществах. Как отмечалось выше, существование этических систем двух противоположных типов теоретически обосновано В.А.Левефром [13]. Первая из них основана на запрете зла, вторая - на декларации добра. Обе системы внутренне логичны и непротиворечивы, но в практических ситуациях приводят к противоположным моделям поведения. Так, если в первой системе одобряется стремление к компромиссу с партнером, то во второй считается правильным подчинить его своей воле.

Анализ особенностей этих систем показывает, что первая из них формируется и закрепляется в обществах Западного типа, а вторая - в обществах Восточного типа. Действительно, выше было показано, что вторая система направлена на минимизацию отношения c_i/b_{ji} в обществе в условиях ограниченности имеющихся ресурсов, то есть вторая этическая система - это своего рода ресурсосберегающая технология социального выживания *коллектива "своих"* в ходе конкурентной борьбы с "чужими" (что важно для обществ Восточного типа). Что касается первой этической системы, то здесь конкурирующие социальные субъекты не представляют собой коллективы "своих". Соответственно, эта система - не средство организации совместных действий "своих" для достижения общей цели, а технология отсекающих нежелательных для общества действий через нормативно закреплённую правовую систему (это важно для обществ Западного типа).

Таким образом, различие структуры устойчивых состояний в Западном и Восточном обществах предопределяет и *различие* соответствующих им этических систем и моделей поведения. Это возводит стену непонимания и неприятия одного общества другим;

5) следствием вышесказанного является также разная роль центральной власти и разное отношение к ней в обществах Западного и Восточного типа. Начнем обсуждение этой темы с Восточного общества, в котором существует резкое деление на "своих" и "чужих". "Свои" объединены общей целью - обеспечением коллективного выживания перед лицом внешних угроз. В условиях перманентного противостояния "чужим" требуется эффективная центральная власть, способная сформулировать единые задачи, организовать совместную деятельность "своих", защитить их от посягательств извне. Мобилизационные функции центральной власти требуют от нее быстрого управления и предполагают безусловное выполнение выдаваемых приказаний. В этих условиях формируется жесткая директивная система социального управления [9], простейшая схема которой представлена на [рис.3](#).

В отличие от этого в Западном обществе нет жесткого разделения на "своих" и "чужих". Каждый субъект преследует свои личные интересы, рассчитывает на собственные силы. Взаимодействие субъектов общих правил игры, контроль за соблюдением которых возлагается на центральную власть. Учет интересов общества осуществляется за счет выборности органов управления.

Экономическая независимость субъектов ограничивает возможности давления на них со стороны власти. Наоборот, общество имеет возможность влиять на власть путем ее периодического переизбрания. В этих условиях формируется адаптивная система социального управления [9], простейшая схема которой представлена на рис.4.

Сравнение рис. 3 и 4 показывает, что структуры систем управления в Западном и Восточном обществах существенно различны: в первом случае актуализированы все связи, во втором - связи, направленные от органов управления вниз по иерархической вертикали. При этом можно математически строго показать [9], что эти две структуры являются оптимальными с точки зрения минимизации затрат на поддержание управляемости общества. Отклонение от рассмотренных структур приводит к снижению эффективности и повышению затратности систем управления и поэтому невыгодно. Вследствие этого данные системы управления, обладая преимуществом по отношению к остальным, устойчиво воспроизводятся и в Западном, и в Восточном обществах.

Итак, анализ показывает, что Западное и Восточное общества - это реализация двух структур устойчивых состояний (аттракторов) в системе социальных отношений «свой - свой» и «свой - чужой». Для Западного общества характерно соотношение $c_i/b_{ji} > 1$, для Восточного - $c_i/b_{ji} < 1$. Отсюда вытекает, что кардинальное цивилизационное различие Запада и Востока - не парадокс, а логичное следствие различия условий существования этих структур аттракторов.

Возникает вопрос: насколько устойчивы эти структуры к изменению параметров c_i и b_{ji} , то есть к изменению социально-психологических установок в обществе? Обратимся к обществу Восточного типа (см. рис.6). Анализ на основе модели (2) показывает, что оптимальной стратегией для конкурирующих субъектов в этом случае является уменьшение c_i - внутренней конфликтности среди "своих" - при одновременном увеличении b_{ji} - агрессивности к "чужакам". На рис.7 изображена математическая интерпретация реализации такой стратегии субъектом №1 в ходе его конкурентной борьбы с субъектом №2.

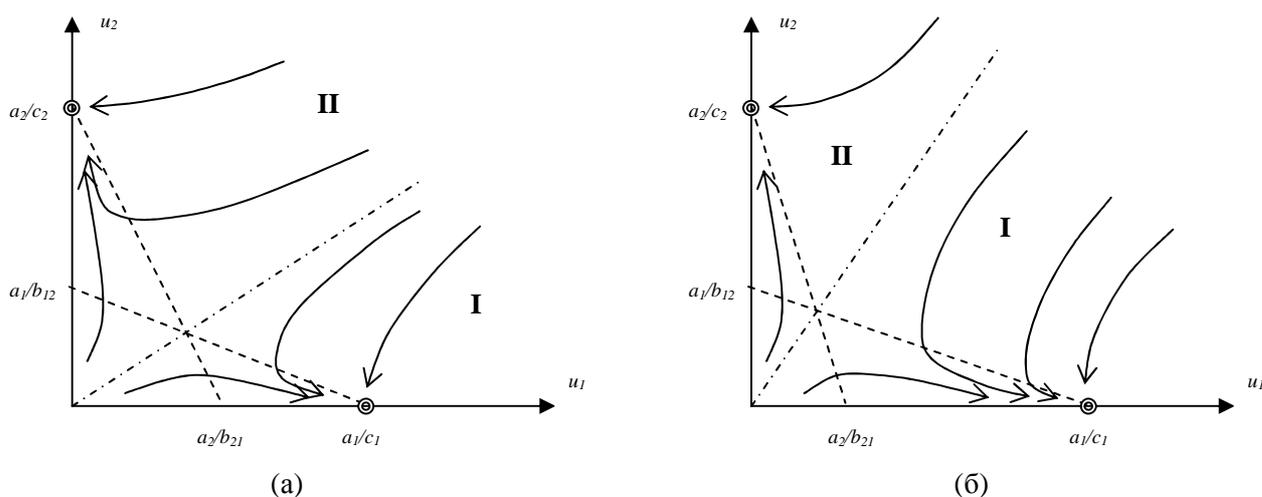

Рис.7. Изменение фазовых траекторий в обществе Восточного типа при уменьшении отношения c_1/b_{21} : (а) - начальное состояние, (б) - конечное состояние.

Видно, что при уменьшении отношения c_1/b_{21} область притяжения I увеличивается, субъект №1 получает преимущество в конкурентной борьбе и достигает доминирования, даже не обладая большими ресурсными возможностями и "силой" u_1 . В свете этого понятно, что Восточное общество постоянно воспроизводит в общественном сознании данную стратегию, обеспечивая устойчивость социально-психологических установок и моделей поведения.

В Западном обществе ситуация иная. Устойчивое сосуществование конкурирующих субъектов возможно лишь в случае, когда все они придерживаются стратегии увеличения отношения c_i/b_{ji} , то есть исповедуют западные ценности, изложенные в начале статьи. Стоит кому-либо из субъектов пойти по пути уменьшения отношения c_i/b_{ji} и использовать толерантность партнеров в своих корыстных целях, как ситуация начнет развиваться в его пользу. Математический образ реализации такой стратегии субъектом №1 изображен на рис.8.

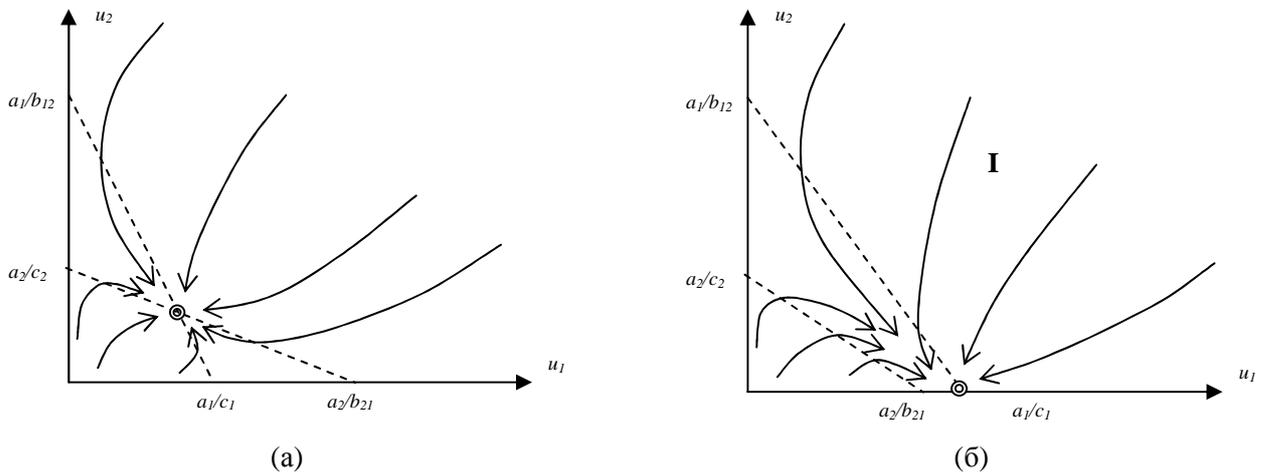

Рис.8. Изменение фазовых траекторий в обществе Западного типа при уменьшении отношения c_1/b_{21} : (а) - начальное состояние, (б) - конечное состояние.

Ситуация, изображенная на рисунке, является иллюстрацией того, что в Западном обществе переход какого-либо субъекта к стратегии уменьшения отношения c_i/b_{ji} дает ему значительные преимущества и резко дестабилизирует обстановку, разрушая равновесное состояние. Исторической иллюстрацией этому является приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году. "Национал-социалистическая германская рабочая партия" завоевала большинство в Рейхстаге легитимно, в результате выборов. Однако сразу после этого по ее инициативе Рейхстаг принял закон о чрезвычайном положении, все остальные партии были запрещены, а профсоюзы распущены. Начался период нацистской диктатуры (высокое b_{ji}), закончившийся национальной катастрофой. Таким образом, ситуация равновесия в Западном обществе - состояние относительно неустойчивое (неустойчивое относительно используемых субъектами стратегий). Во имя обеспечения устойчивости нельзя допускать в Западное общество субъектов, использующих стратегию уменьшения c_i/b_{ji} . Именно поэтому так много усилий тратится на пропаганду и распространение западных ценностей ("права человека", "демократия", "неприкосновенная частная собственность" и т.п.) и на их защиту экономическими, политическими и военными средствами.

Аналогичная ситуация имеет место в отношении устойчивости систем социального управления (ССУ). Можно математически строго показать [9], что директивная система управления (см. рис.3), характерная для Восточного общества, локально устойчива по отношению к изменению структуры, то есть при изменении количества и характера связей α_{ij} появляющиеся недостатки (прежде всего - увеличивающиеся затраты на управление) не компенсируются ожидаемым повышением эффективности ССУ. Не удивительно поэтому, что попытки государственного реформирования в странах Востока, как правило, заканчивались возвращением к жесткой директивной системе управления (к диктатуре, авторитарному режиму и т.п.). Более того, когда быстрое реагирование и согласованность действий являются главными критериями эффективности, жесткая директивная ССУ является единственно целесообразной и оправданной. Поэтому управление армий всего мира основывается на принципах директивной ССУ: на единоначалии, жесткой дисциплине и безусловном выполнении приказов.

В отношении адаптивной системы социального управления (см. рис.4) ситуация иная. Эта ССУ обладает высокой эффективностью и низкой затратностью только в том случае, если задействованы все связи α_{ij} . Если в силу каких-либо обстоятельств (преднамеренных или непреднамеренных) часть связей перестает функционировать, то эффективность управления резко падает [9]. В условиях подобного кризиса выправить ситуацию зачастую становится возможным, лишь вводя в стране режим чрезвычайного положения (то есть переходя к жесткой директивной системе управления). Совершить обратный переход (вернуться к начальному состоянию) существенно сложнее, осуществимость обратного перехода зависит от ряда условий. Основным из этих условий является способность и желание членов общества отстаивать свою экономическую независимость и суверенность по отношению к центральной власти, что характерно для Западного общества и не характерно для Восточного.

Проведенный анализ показывает, что и Восточное и Западное общество обладают устойчивостью, но это устойчивость разного типа. Устойчивость Восточного общества можно назвать "статической", а Западного - "динамической". Устойчивость Восточного общества обеспечивается тем, что стратегия уменьшения отношения c_i/b_{ji} является выигрышной для каждого субъекта и поэтому постоянно воспроизводится в процессе социальных взаимодействий. Устойчивость Западного общества возможна лишь до тех пор, пока все субъекты придерживаются

стратегии увеличения отношения c_i/b_{ji} , хотя для каждого отдельно взятого субъекта эта стратегия не является оптимальной. То есть устойчивое существование Западной модели социума - это реализация *коллективного эффекта в обществе "чужих"*, возможная лишь при достаточно высокой ресурсной обеспеченности (необходимой для экономической независимости субъектов) и при господстве строго определенных социально-психологических и этических установок (приверженности западным ценностям).

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что отличие Востока и Запада закономерно: это два устойчивых социальные состояния-аттрактора, в которых экономические, организационные и социально-психологические параметры соответствуют друг другу вполне определенным образом. Для Запада характерно сочетание «рыночная экономика либерального типа - адаптивная система управления - первая этическая система», для Востока - сочетание «распределительная экономика - директивная система управления - вторая этическая система». Следуя С.Г.Кирдиной [18], можно Западное общество назвать Y-структурой, а Восточное X-структурой. Основные отличительные черты этих социальных структур отражены на [схеме 1](#). Важно, что Западное и Восточное общества отличны не только структурно, но и механизмами самоорганизации и обеспечения устойчивости (выживаемости). Именно это не дает им сойтись, делает неустойчивыми симбиозные социальные образования¹.

¹ Сказанное справедливо для макроструктурной организации общества. Реально внутри X-обществ всегда существуют подсистемы, организованные по Y-принципу (например, рыночно-торговый сегмент в аграрных обществах), а в Y-обществах - подсистемы, организованные по X-принципу (например, армия и силовые структуры, системы государственного социального обеспечения в современных Западных странах). При этом в конкретном обществе соотношение X- и Y-элементов непостоянно во времени; сильнее всего оно зависит от изменения внешней ситуации: от увеличения или снижения ресурсной базы, от изменения опасности угроз существованию социума.

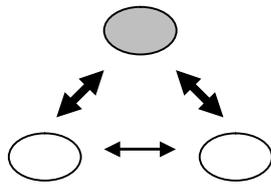
Устойчивые институциональные структуры

Х-структура (Восток)

1. Регулируемая экономика
2. Директивная централизованная система управления
3. Примат коллективизма в социально-психологической сфере

Условия формирования:

- недостаток ресурса;
- сильный внешний враг

Конкуренция социумов
(выживает сильнейший социум)

Центральная власть

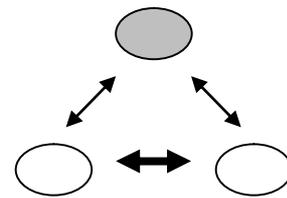
Население

Y-структура (Запад)

1. Либеральная экономика
2. Адаптивная (демократическая) система управления
3. Примат индивидуализма в социально-психологической сфере

Условия формирования:

- много разнообразных ресурсов;
- слабый внешний враг

Конкуренция индивидов
(выживает сильнейший индивид)

Цель: - выживание социума

Цель: - независимое развитие индивидов

Способ достижения цели:

- объединение слабых вокруг сильного (сильная центральная власть)

Способ достижения цели:

- объединение слабых против сильного (слабая центральная власть)

Приоритеты:

- улучшение управления;
- обеспечение единства общества

Приоритеты:

- инициирование внутренней конкуренции, плюрализма, экономической активности

Этическая система №2: «декларация добра» (идеологическое единство)

Этическая система №1: «запрет зла» (свобода действий в рамках закона)

Угрозы системе:

- дезинтеграция (потеря единства общества);
- бюрократизм, коррупция

Угрозы системе:

- монополизация власти;
- имущественное расслоение

Объект защиты:

- социальная организация (государство)

Объект защиты:

- индивидуальные права и свободы

Как же произошло формирование столь непохожих социальных структур и этических систем в ходе исторического развития? Для этого нужно проанализировать материальные условия жизни людей в разные эпохи. Наиболее распространенными типами обществ в исторический период развития человечества являются *аграрное* и *индустриальное* общества. Рассмотрим их по отдельности.

а) Экономической основой *аграрных обществ* является сельское хозяйство; главным, жизнеобеспечивающим ресурсом является плодородная земля. Этот ресурс по своей природе ограничен, вследствие чего за обладание им идет постоянная борьба. Население сообщества охраняет свои земли от соседей, подозревая последних в агрессивных намерениях. Фактором усиления противопоставления "свой - чужой" является преобладание натурального хозяйства в аграрных обществах: сельское население живет замкнутым миром, "чужаки" вызывают настороженность и неприятие. В среде "своих" приветствуется взаимопомощь; социальная синхронизация общества достигается воспитанием коллективизма, путем "декларации добра".

В этих условиях закономерным образом формируется вторая (по В.А.Лефевру) этическая система. Ее укреплению способствуют внеэкономические методы социального управления, авторитаризм власти земледельческой и государственной элиты, жесткость социальных перегородок. Предпосылкой формирования первой этической системы в недрах аграрного общества является ослабление жесткости позиционирования "свой - чужой", развитие индивидуализма, усиление экономической и политической самостоятельности различных социальных субъектов. Однако развитие этих процессов постоянно прерывается в ходе политико-демографических циклов [19], присущих аграрным обществам. Логика циклических изменений коротко может быть изложена следующим образом.

Цикл часто начинается с внешнего завоевания, в результате которого устанавливается жесткое авторитарное правление победителей, противопоставляющих себя завоеванному населению. Усилия победителей направлены на подчинение своей власти как местного населения, так и представителей бывших элит. Главой государства становится предводитель победителей, который формирует новую элиту из своих сподвижников и единомышленников. Лояльность новой элиты поддерживается раздачей завоеванных земель. В среде элиты сильны клановые традиции, обеспечивающие устойчивость отдельных семей и родов. Наследование имущества и земель проводится по пропорциональному принципу - всем сыновьям (или всем детям, включая дочерей): так обеспечивается принцип справедливости на уровне отдельной семьи. Однако уже через несколько поколений земельные наделы дробятся, центральная власть слабеет, поскольку уже не имеет свободного ресурса земель для раздачи приближенным. Усиливаются центробежные тенденции у элиты, растет индивидуализм. Государство постепенно распадается на слабосвязанные области, соперничающие друг с другом. Одновременно происходит неуклонное уменьшение крестьянских наделов (в силу все того же пропорционального принципа наследования). Из-за относительной перенаселенности начинается демографический кризис и сопутствующие ему волнения, бунты, восстания. Ослабевшая центральная власть уже не в состоянии справиться с ситуацией. Начинаются распри внутри элиты. Дело заканчивается либо кровопролитной гражданской войной, в результате которой к власти приходит диктатор, либо вторжением в ослабевшее государство соседей, стремящихся воспользоваться ситуацией и расширить свои земельные владения. В любом случае вновь устанавливается жесткая центральная власть, авторитаризм, направленный на слом сопротивления старой элиты. И цикл начинается снова.

Таким образом, аграрное общество в ходе своей циклической эволюции постоянно воспроизводит условия для реализации второй этической системы.

б) Экономической основой *индустриальных обществ* является производство промышленной продукции и ее рыночное перераспределение среди членов общества на основе товарно-денежных отношений. В отличие от аграрных обществ, ресурсная база которых единообразна (в основном, земельный фонд) и с неизбежностью ограничена, ресурсная база индустриальных обществ многообразна (в нее входят полезные ископаемые, источники энергии, технологии, знания и т.д.) и - главное - изменчива (как правило, увеличивается в силу непрерывных технических инноваций). Другим важным отличием является переход от самодостаточности натурального хозяйства (способствовавшей замкнутости аграрных обществ) к производственной специализации и активному рыночному обмену продукцией между различными экономическими субъектами. Вследствие этого позиционирование "свой - чужой" перестает быть актуальным. Наоборот, полезной становится способность к установлению контактов с разными партнерами, к поддержанию бесконфликтных деловых отношений с ними. Активная экономическая деятельность подразумевает свободу действий и, с другой стороны, установление четко определенных правил

игры. Нарушение этих правил есть "зло", дестабилизирующее общество. В соответствии с этим целью законодательной системы индустриального общества является "запрет зла".

В этих условиях закономерным образом формируется первая этическая система. Ее укреплению способствуют отсутствие жестких социальных перегородок, социальная мобильность, размывающая противопоставление "свой - чужой", развитый индивидуализм членов общества, адаптивная (демократическая) модель управления с постоянной корректировкой статус-кво во властных структурах посредством периодических выборов.

Как уже отмечалось ранее, социальные и этические системы аграрного и индустриального обществ (и соответствующие им X- и Y- институциональные структуры) кардинально отличаются друг от друга. Как же оказался возможным переход от одной системы к другой? Для этого нужны были *особые* условия. В силу ряда обстоятельств такие условия сложились в эпоху Средневековья в Западной Европе. Она к концу династии Каролингов представляла собой лоскутное одеяло частных владений, центральная королевская власть была чрезвычайно слаба. По логике развития аграрных обществ соседи должны были бы воспользоваться слабостью местных элит, напасть, и в результате их нашествия должен был бы начаться новый политико-демографический цикл. Но Западной Европе повезло: на протяжении всего Средневековья она не подвергалась серьезным внешним нашествиям (это связано с ее лесистостью, пересеченностью рельефа и периферийным положением на континенте). Грозные кочевники, гроза стран Востока – арабы и монголы – вглубь ее лесных массивов не стремились. Норманны и венгры, терроризировавшие Европу в IX-X веках, были заурядными разбойниками, которые только способствовали укреплению власти местной знати над крестьянами: чем дожидаться помощи от далекого короля, лучше спастись в замке местного графа (правда, затем будешь этому графу многим обязан, но тут уж ничего не поделаешь). Относительная *слабость внешнего врага* привела к уникальному результату: к XI веку Западной Европе сформировалась и укрепилась примогенитура (майорат) – принцип наследования, когда после смерти владельца земельный надел не дробится, а целиком наследуется лишь одним (как правило, старшим) из сыновей. Это нелогичный для аграрного общества принцип, он противоречит коллективистской морали, понятию справедливости в рамках второй этической системы (можно сказать, что это была своеобразная этическая флуктуация). Однако этот принцип оказался "полезным" в условиях средневековой Европы: благодаря ему окрепли экономические и политические позиции местной знати, что позволило ей самостоятельно противостоять набегам разбойников. С другой стороны, примогенитура в крестьянских хозяйствах повысила их устойчивость, поставила преграду обезземеливанию, стабилизировала демографическую ситуацию. В итоге в Западной Европе на длительный срок была *законсервирована раздробленность*, которая сформировала новую политическую культуру - культуру *договорных* отношений на разных уровнях социальной иерархии (европейский феодализм, а затем и парламентаризм), культуру сдержек и противовесов, политических коалиций, препятствующих усилению какой-либо одного политического субъекта.

Примогенитура в крестьянских хозяйствах, остановив перманентный процесс уменьшения размеров земельных наделов, стабилизировало сельскохозяйственное производство, экономически усилило крестьянство. Одновременно, значительная часть населения (младшие братья, которым не достался в наследство земельный надел) стали работать по найму, что способствовало внедрению рыночных отношений на селе. Они же (младшие братья) стали демографической подпиткой растущих городов, фактором роста класса бюргеров. Необходимость самостоятельно добиваться устойчивого состояния в жизни без надежды на наследство способствовало развитию предприимчивости, индивидуализма в сознании, формированию первой этической системы.

Таким образом, эти и ряд других уникальных обстоятельств, сложившихся в Западной Европе к XI веку, прервали циклическую эволюцию аграрного общества и ввели его в бифуркационное состояние, закончившееся переходом на принципиально новую траекторию развития². Отличие Запада от Востока стало не только формальным, но и сущностным: отныне они стали принадлежать разным этическим системам и *перестали понимать* друг друга.

3. Дилемма «Запад - Восток» и путь России

Итак, различие Западного и Восточного типов общества во многом определяется тем, что в них реализованы две диаметрально противоположные стратегии обеспечения устойчивости

² Следует отметить, что в отдельные исторические периоды накопление Y-свойств в обществах X-типа наблюдалось и за пределами Западной Европы (например, в Китае во время династии Сун, в Раджпутском Раджастане на северо-западе Индии в VIII-XII веках). Однако этот процесс, как правило, прерывался внешним завоеванием с последующим возвратом к жесткой X-структуре.

функционирования социума, соответствующие двум базовым состояниям-аттракторам [16]. В Западных обществах базовыми ценностями, следование которым поддерживает социальную устойчивость, являются:

- а) экономическая и политическая свобода, обеспечение «прав человека»;
- б) священная и неприкосновенная частная собственность;
- в) демократия;
- г) правовой характер общества, равенство всех перед законом;
- д) разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

Реально, эта система ценностей направлена против чрезмерного усиления центральной власти, монополизма в любых его проявлениях; ее суть можно определить как **«объединение слабых против сильного»**.

Соответственно, для Восточных обществ характерны:

- а) ограничение личных свобод в пользу прав центральной власти;
- б) примат общественной и государственной собственности над частной;
- в) авторитаризм в политике;
- г) неправовой характер общественных отношений, жизнь по традициям и «по понятиям», а не по формальным законам;
- д) концентрация различных видов власти в одних руках.

Эта система отношений формируется, как правило, в условиях серьезной внешней угрозы и объективно способствует усилению центральной власти; ее сутью является **«объединение слабых вокруг сильного»**.

К какому же из этих двух основных типов обществ относится (или должна относиться) Россия? Какой логике поведения ей надо придерживаться, чтобы обеспечить социальную устойчивость? К какому состоянию - аттрактору надо стремиться? Об этом уже много столетий спорят историки, образованная часть общества (западники и славянофилы, рыночники и «почвенники» и т.п.), но безрезультатно. На поверхности - характерная для России внешняя противоречивость социального поведения (воспринимаемая как шараханье из крайности в крайность), его несоответствие ни западным, ни восточным моделям, например:

почвенный российский коллективизм уживается с периодически происходящими жесточайшими внутренними социальными «разборками», а идущая на протяжении всей российской истории вооруженная борьба с геополитическими соседями сочетается с удивительной терпимостью к ним же в мирное время и с всепрощенчеством;

потрясающая управленческая бездарность в спокойные исторические периоды соседствует с поразительными свершениями в кризисные эпохи, когда казалось бы нет никаких шансов на успех и ситуация безвыходная.

Все это стало причиной повторяющихся рассуждений о «загадочной русской душе», о «русской непредсказуемости» и т.д. Но так ли уж все загадочно и непредсказуемо? Может быть, здесь есть своя логика?

Если действовать в рамках научной методологии, то поиск причин возникновения тех или иных особенностей в развитии общества нужно начинать с анализа условий его существования. Поэтому проанализируем условия, в которых протекали (и до сих пор протекают) процессы социальной самоорганизации в России.

В [таблице 1](#) приведено обобщенное сравнение условий, оказавших важное влияние на формирование социальных институтов в странах Востока, Запада и в России в доиндустриальную эпоху (соответствующие количественные данные приведены в [Приложении](#)).

Таблица 1

№	Фактор	Восток	Запад	Россия
1.	Естественное плодородие почв, обеспеченность агроресурсами (в зависимости от существующих природно-климатических условий)	*	**	***
2.	Внешние военные угрозы	***	*	***
3.	Наличие людских ресурсов	*	**	***
4.	Развитость коммуникаций	*	**	***
Примечания: а) в отношении таблицы в целом: - под Востоком понимаются средневековые страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; под Западом - средневековая Западная Европа (до XV века), в которой постепенно складывались				

предпосылки для формирования капитализма;

- благоприятное состояние рассматриваемого фактора отражено в таблице одной звездочкой, неблагоприятное - тремя, среднее - двумя. Сравнение проводится синхронистически - для одинаковых исторических периодов;

б) в отношении первого фактора: уровень естественной обеспеченности агроресурсами зависит от природно-климатических условий в регионе;

в) в отношении второго фактора: в доиндустриальную эпоху наибольшую опасность для земледельческих народов представляли кочевники. Всего больше доставалось районам, прилегающим к степям и пустыням. Западную Европу в силу ее лесистого характера и периферийности положения в Евразии кочевники практически не тревожили. Средневековые европейские войны имели характер внутренних «разборок» христианских государей друг с другом и, как правило, не слишком сильно влияли на жизнь простого народа;

г) в отношении третьего фактора: в качестве показателя наличия людских ресурсов используется средняя плотность населения;

д) в отношении четвертого фактора: развитость транспортных коммуникаций (прежде всего, сухопутных) зависит от лесистости территории и природно-климатических условий в регионе.

Рассмотрим влияние первых двух факторов из [таблицы 1](#) на процессы социальной самоорганизации в разных регионах.

В странах Востока в силу сравнительно благоприятных климатических условий обеспеченность агроресурсами была достаточно хорошей; но с другой стороны, был высок уровень военных угроз. Это объективно способствовало тому, что имеющиеся свободные ресурсы аккумулировались элитой в своих руках и тратились на военные и другие нужды. Обратной стороной такой ситуации было то, что органы центральной власти становились гипертрофированно сильными, переставали считаться с народом; устанавливались авторитарные режимы, формировавшие общество «под себя» сверху вниз. Нарастающее давление центральной власти периодически приводило к социальным кризисам и народным восстаниям, но после них все возвращалось «на круги своя» и вновь воспроизводилась социальная система X-типа.

В странах Западной Европы в силу менее благоприятного климата агроресурсов было существенно меньше ([см. Приложение 1](#)), и центральной власти их доставалось немного. С другой стороны, потребность в центральной власти была не велика, поскольку был существенно меньшим уровень внешних угроз, от которых власть должна была защищать население. В этих условиях центральная власть не пользуется поддержкой снизу и слабеет в борьбе с центробежными тенденциями в среде элиты; ее возможности ограничиваются, возникают процессы социальной самоорганизации снизу вверх на основе принципа субсидиарности, постепенно формируется социальная система западного типа. В этом - одна из причин длительной феодальной раздробленности в Западной Европе, закончившейся в конечном счете победой буржуазного строя, то есть победой индивидуализма, частных интересов граждан над претензиями центральной власти.

На северо-восток от Западной Европы природно-климатические условия становятся еще более суровыми [20]. Основной проблемой этносов становится обеспечение *физического выживания*. При низких ресурсных возможностях социальным надстройкам (в том числе, специализированным органам центральной власти) не на что существовать. В этом регионе логично было бы наблюдать неразвитость государственности или ее полное отсутствие (именно это и наблюдалось у финно-угорских, самодийских народов; наблюдалось это и у славян до X века нашей эры). Однако на территории Восточно-Европейской равнины в Средневековье в суровых природно-климатических условиях возникла *социальная аномалия*: сильное централизованное аграрное государство «Московское царство», ставшее затем «Российской империей», потом «СССР» и сейчас «Российской Федерацией».

В чем причина такой аномалии? Откуда взялись ресурсы на создание в XV-XVI веках сильного государства, в то время как их катастрофически не хватало для сколь-нибудь сносного существования основной части этноса [20]? Чудес не бывает - такое возможно только за счет дополнительного урезания и без того чрезвычайно скудного потребления крестьян в пользу создания и поддержания государственных структур. Какова естественная реакция крестьянства на такое урезание, случись такое хоть на Востоке, хоть на Западе? Ответ предсказуем: неизбежен рост недовольства крестьян, частые народные восстания. И таким восстаниям в истории стран Востока и Западе несть числа. Что же в России? - Здесь типична обратная реакция: добровольное затягивание поясов, смирение, непротivление и упование на «царя-батюшку». Чем такую реакцию объяснить?

Распространенный (и очень популярный в среде либеральных публицистов) ответ таков: причина подобного поведения - в рабском характере и природной пассивности русского народа, в страхе

перед властью, воспитанном в народе самодержавием - тяжелым наследием монголо-татарского ига. То есть - сами виноваты. Что же делать? - Выдавливает из себя раба, отстаивать свои права, бороться за них, не давать власти помыкать собой. То есть - быть такими, как все «нормальные» народы.

Но мы уже знаем, что «нормальный» народ в таких условиях государство образовать не смог бы - на это попросту не хватает ресурсов. Тут либо «натягивание одеяла на себя» ценой ослабления центральной власти, либо жесткое самоограничение ради укрепления централизованного государства - третьего не дано. Киевская Русь пошла по первому пути, типичному для феодальной Европы. Кончилось это раздробленностью, княжескими междоусобицами и татаро-монгольским завоеванием. Московская Русь выбрала второй путь, позволивший ей консолидировать силы, избавиться от завоевателей и стать Российской империей.

Здесь мы сознательно избегаем этических оценок: кому-то нравится Российская империя («великое евразийское государство»), кому-то не нравится («тюрьма народов»). Мы лишь констатируем объективный факт: в условиях Русской равнины устойчивая государственность возможна только при *добровольном самоограничении* народа в пользу центральной власти (это можно называть хоть «самоотверженностью», хоть «рабской психологией», суть не меняется). Чем обусловлено возникновение этого социально-психологического феномена, характерного по существу только для русских и больше ни для какого народа ни на Востоке, ни на Западе? Почему русские такие «ненормальные»? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним роль государства на Востоке, на Западе и в России (рассмотрение будем вести крупными мазками, чтобы ярче высветить главное).

Древнейшие государства возникли на Востоке в так называемых «речных цивилизациях» (долины Нила, Инда, Хуанхэ, междуречье Тигра и Ефрата). Важнейшей функцией этих государств была *хозяйственная* - организация населения на проведение коллективных ирригационных работ. В условиях «речных цивилизаций» ирригационные работы позволяли резко повысить урожайность, поэтому в их эффективности было заинтересовано все общество. Если по каким-либо причинам государство ослабевало, то ирригационные системы приходили в упадок, урожайность падала, возникал голод, вспыхивали гражданские войны, наступала гуманитарная катастрофа. Поэтому к центральной власти относились терпимо (особенно, в конфуцианских странах), считали, что власть должна быть сильной и мудрой. С поборами в пользу государства мирились, тем более что ресурсов хватало на всех. Однако если положение народных масс ухудшалось и виновным в этом оказывалось государство, народ поднимался на восстания.

В средневековой Западной Европе государство не выполняло хозяйственных функций и работало лишь на себя. Общество от центральной власти ничего (кроме необходимости платить налоги) не имело. Поэтому происходили постоянные внутренние конфликты. Размеры и сила государств по существу определялись размером средств, которые государству удавалось изъять у своих подданных, но их было немного. Реальным источником доходов была война с соседями, но только если эта война успешная, а это было далеко не всегда. Так что государство на Западе воспринималось обществом в основном как обуза: народ жил своей жизнью, государство - своей. (Ситуация стала меняться в эпоху буржуазных революций, но это было уже в XIX веке.) Естественно, общество не было заинтересовано в усилении центральной власти, всячески ей противилось, стремилось как-то ее ограничить (в Англии - парламентом, во Франции - Генеральными штатами и т.п.), стать независимым от нее. Противостояние общества и государства, постоянные внутренние конфликты были причиной длительной феодальной раздробленности в Западной Европе. Слабость Европы, к счастью для нее, не закончилась катастрофой. Ее спасло то, что она не представляла особого интереса для сильных геополитических соседей: ни арабы в VIII веке, ни монголы в XIII веке в лесные районы Западной Европы не пошли, вернулись в свои степи и полупустыни; турки-османы серьезно тревожили только юг Европы.

В России ситуация была другая. Россия в силу своего географического положения постоянно подвергалась нападению и со стороны Великой Степи, и со стороны Запада. Причем нападали иноверцы, и борьба была беспощадная, на уничтожение. В этих условиях существование народа возможно было *только при наличии сильного государства*, способного организовать отпор врагу. Есть государство - есть народ, нет государства - нет народа. То есть сильное государство становится гарантом *выживания* этноса. Жалко ли пожертвовать личным достатком в пользу сильного государства ради обеспечения безопасности? - Не жалко! И это был осознанный выбор русского этноса.

Если у других народов взаимоотношения с властью строились в основном по поводу материальных проблем и при ухудшении материального состояния народных масс естественной их реакцией был бунт против власти, стремление заставить считаться с собой путем неповиновения, то у русских выработалась стратегия, противоположная по своей сути: основные угрозы

воспринимались как исходящие не от власти, а извне, поэтому с данной Богом властью смирялись и при ухудшении ситуации шли на сокращение потребления с тем, чтобы высвободившиеся ресурсы объединить под началом власти для отпора внешнему врагу. Западный наблюдатель трактовал такое поведение как проявление «рабской психологии» русского народа и был не прав: самоограничение и подчинение власти в условиях России в действительности создавало необходимые условия для этнического выживания, для объединения скудных ресурсов в борьбе с внешними угрозами. *Выживание этноса в условиях хронической нехватки ресурсов и при постоянных военных угрозах* возможно лишь за счет:

а) мобилизационных мер концентрации ресурсов в руках центральной власти в форс-мажорных обстоятельствах (а такие обстоятельства возникали постоянно);

б) перераспределения сконцентрированных ресурсов из центра на приоритетные направления без упования на рыночные механизмы саморегуляции (частная собственность в этом случае является помехой, тормозящей процессы концентрации и централизованного перераспределения ресурсов в форс-мажорных обстоятельствах);

в) обеспечения *психологической поддержки* или, по крайней мере, непротивления со стороны населения действиям центральной власти (в противном случае мобилизация ресурсов не может быть центральной властью осуществлена);

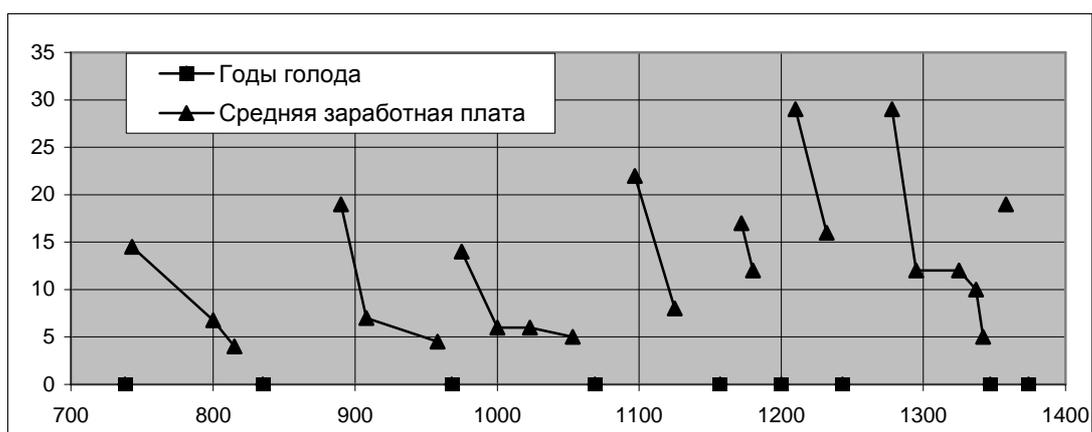
г) *снижения конфликтного давления* со стороны периферии страны на ее центр (это необходимо для снижения затрат на управление страной в условиях ограниченных ресурсов).

Действительно, логичность перечисленных мер укрепления устойчивости социума становится очевидной, если обратиться к модели (2). Если в качестве социальных субъектов в модели рассматривать этносы (состоящие из народа и элиты), в качестве u_i - ресурсы, которые могут быть использованы ими для противостояния другим этносам, то тогда выражение (2) означает, что для повышения своей живучести этносы должны увеличивать u_i и, следовательно, стремиться к тому, чтобы правая часть выражения (2) была больше нуля. Для этого нужно увеличивать член $a_i \cdot u_i$ и уменьшать значения $\sum_{j \neq i} b_{ij} \cdot u_j$ и $c_i \cdot u_i^2$. Член $a_i \cdot u_i$ связан с воспроизводством ресурсов и в условиях их естественной (связанной с суровыми природными условиями) ограниченности может достигать больших значений только при концентрации ресурсов центральной властью для целенаправленного использования против внешних угроз. Рыночные механизмы обеспечить высокий уровень $a_i \cdot u_i$ в этих условиях не могут: ресурсов слишком мало и производители не заинтересованы отрывать от себя необходимое в пользу государства. Увеличить $a_i \cdot u_i$ можно только мобилизационными мерами в ущерб рыночным отношениям. Как следствие, в этих условиях социальная система трансформируется в систему Восточного типа с $c_i/b_{ji} < 1$. Члены $\sum_{j \neq i} b_{ij} \cdot u_j$ характеризуют издержки в результате конфликтов с соседними этносами. Эти издержки могут быть уменьшены либо за счет подавления (уничтожения) этих этносов (такая тактика, как было показано выше, характерна для Восточных обществ), либо путем снижения конфликтности с ними. Россия пошла по второму пути, поскольку в условиях низкого ресурса и многочисленности соседей повышение конфликтности было бы недопустимо «дорогим удовольствием» и закончилось бы гибелью государства. Снижение b_{ji} достигалась кооптированием в российскую элиту элит национальных окраин, культурной и религиозной терпимостью по отношению к народам, входящим в Российскую империю, распространенностью смешанных браков, «крестьянской» (а не просто военно-административной) колонизацией включаемых в состав империи территорий и т.п. Но как мы уже знаем, уменьшение b_{ji} увеличивает отношение c_i/b_{ji} , снижая социальную устойчивость общества в целом. Как противодействовать этому? - Только снижая значение c_i в системе «свой - свой», то есть повышая однородность общества и уменьшая внутреннюю конфликтность. К этому призывает православие с его смирением и непротивлением власти. Это культивируют и патриархальный русский коллективизм, и общинность, и государственность на почвенном уровне. Это было целью «чисток» в советское время, направленных на избавление общества от инакомыслящих, повышающих своим инакомыслием внутреннюю конфликтность c_i . Только при очень низком значении c_i возможно устойчивое существование общества с низким уровнем ресурсной обеспеченности и высоким уровнем внешних угроз. Лишь при очень низком c_i государство получает возможность аккумулировать необходимые ресурсы для обеспечения безопасности и живучести социума. Но как добиться низкого уровня конфликтности в условиях неизбывной нужды основной части населения? Для Западного и Восточного обществ эта задача не решаема. Эту задачу удалось решить только в российском обществе, и определяющим оказался *психологический* фактор. Только *самоограничение* и *добровольное* подчинение власти, утвердившееся в качестве императива народной жизни, обеспечило устойчивое существование государства российского. Власть, конечно, этим пользовалась, на этом паразитировала (и при царях, и при СССР), не понимая, что пилит сук, на котором сидит. Но, тем не менее, запаса прочности хватило надолго. Сейчас происходит целенаправленная попытка смены социально-психологических императивов в обществе под

лозунгом: «не надо выдумывать особых путей развития; надо жить, как во всех цивилизованных странах». Объективно это приводит (и уже привело) к резкому повышению внутренней конфликтности и снижению социальной устойчивости. Достаточно ли этого для распада государства - скоро увидим.

Обратимся теперь к третьему фактору, отмеченному в [таблице 1](#), к наличию людских ресурсов (см. [Приложение 1](#)). Для стран Востока характерна относительная перенаселенность, людских ресурсов много, поскольку высок уровень ресурсной обеспеченности. В странах Запада относительная плотность населения в эпоху средневековья была ниже, что связано с менее благоприятными природно-климатическими условиями, с меньшей обеспеченностью ресурсами. Но и на Востоке и на Западе в периоды, когда в силу каких-либо причин ощущался недостаток рабочей силы, последняя повышалась в цене, и эти периоды характеризовались хотя бы временным, но улучшением положения народных масс [19]. В России в условиях низкой ресурсной обеспеченности сформировалась иная логика развития событий. Увеличить количество рабочей силы за счет увеличения зарплаты было невозможно - не было свободных финансовых ресурсов. Каков же выход в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств? - Переход к принудительной трудовой мобилизации, фактически являющейся средством резкого удешевления рабочей силы.

Есть ли в этом логика? - Есть. Действительно, если рабочей силы не хватает, но есть финансовые возможности, естественным способом привлечения дополнительных рабочих рук является повышение заработной платы. Причем, на Востоке эта мера была, как правило, кратковременной в силу быстрого воспроизводства населения до избыточного уровня. На [рис.9](#) в качестве иллюстрации приведена динамика изменения уровня зарплат в средневековом Египте на протяжении семи столетий. Видно, что после кровопролитных войн, народных восстаний, периодов мора, сопровождавшихся резким уменьшением населения, уровень зарплат на некоторое время повышался, однако затем снова падал, и все возвращалось «на круги своя».

[Рис.9](#). Средняя заработная плата неквалифицированных рабочих в Египте в литрах зерна в день в VIII - XIV веках. Данные из [21]

В Западной Европе возможности для быстрого воспроизводства населения были хуже, плотность населения - ниже. Это естественным образом обусловило относительную дороговизну рабочей силы и стимулировало стремление заменить ее машинами, что в конечном итоге привело к расцвету изобретательства и к промышленной революции.

Когда же рабочая сила и финансовые ресурсы находятся в еще большем дефиците (что является типичным для России) и рыночные механизмы перестают работать, привлечение дополнительной рабочей силы возможно только за счет трудовой мобилизации, когда люди трудятся за мизерную плату или вообще бесплатно. Наблюдается своеобразная бифуркация: при уменьшении ресурсной обеспеченности в определенный момент вместо удорожания рабочей силы происходит ее резкое удешевление, и только это позволяет обеспечивать необходимую для выживания социума концентрацию трудовых ресурсов. (Так было и в эпоху реформ Петра I, и в эпоху СССР. В резком снижении реальной стоимости рабочей силы заключается экономический смысл крепостного права³.) При этом мобилизация не воспринимается как нечто из ряда вон выходящее.

³ Не случайно, когда в XV веке произошло ухудшение экономического положения в Европе, реакция к востоку и к западу от Эльбы была прямо противоположной. Восточнее Эльбы возродилось крепостное право, которого не было на этих территориях уже несколько столетий, в то время как западнее Эльбы произошло усиление либеральных, рыночных отношений в сельском хозяйстве [34].

Психологически она воспринимается как вынужденная необходимость; и это верно, поскольку именно благодаря ей социуму удается выжить в форс-мажорных обстоятельствах (терпимость русского народа к мобилизационным мерам нередко трактуется как проявление «рабской психологии», но в действительности это лишь один из механизмов социального выживания. Конечно, власть всегда стремилась использовать мобилизационный режим для упрочения своих позиций, злоупотребляя терпимостью народа, но это отрицательно характеризует ее, а не народ).

Итак, в кризисных ситуациях в условиях дефицита рабочей силы и материальных возможностей логичен переход общества в мобилизационный режим [22], заключающийся:

- в нерыночной, добровольно-принудительной концентрации имеющихся в обществе ресурсов;
- в направлении этих ресурсов на решение ограниченного числа приоритетных задач (остальные задачи считаются второстепенными и решаются по остаточному принципу, если вообще решаются);
- в объединении усилий, в идейной и организационной консолидации общества (для чего нужно снизить внутреннюю конфликтность c_i и достичь высокой степени гомогенности общества, в частности, путем выявления «внутренних врагов» и избавления от них).

Такой способ выхода из кризисных ситуаций типичен для России и отличает ее от Западных и Восточных обществ. Там ухудшение материальных условий жизни, снижение ресурсной обеспеченности обычно приводит к нарастанию внутренних противоречий, к дестабилизации и дезинтеграции общества. В России в этих же условиях, как правило, происходит консолидация общества («беда объединяет») с переходом в мобилизационный режим, помогающий сконцентрировать ресурсы и преодолеть кризис. Это зачастую происходит с большими издержками и людскими потерями, но цель - выход из кризиса - тем не менее, достигается. Способность быстрого перехода к мобилизационному режиму, сформировавшаяся у русского этноса, находится в резком противоречии с психологией рыночных отношений. Именно психологическими проблемами (несовместимостью мобилизационных и рыночных установок) объясняются многие системные трудности, с которыми столкнулось российское общество в конце XIX - начале XX века, а также в конце XX века, когда пыталось пойти по западному пути развития.

Что касается «развитости коммуникаций» - четвертого фактора, рассмотренного в таблице 1, то его влияние на формирование социальных институтов заключается в следующем.

На Востоке в степной, полупустынной и прилегающих к ним зонах сухопутные коммуникации в средневековую эпоху были развиты хорошо, особенно у кочевых народов. Это позволяло власти контролировать большие разнородные пространства, способствовало формированию централизованного управления директивного типа [9]. Связность государственной территории осуществлялась через центр (см. рис.10а).

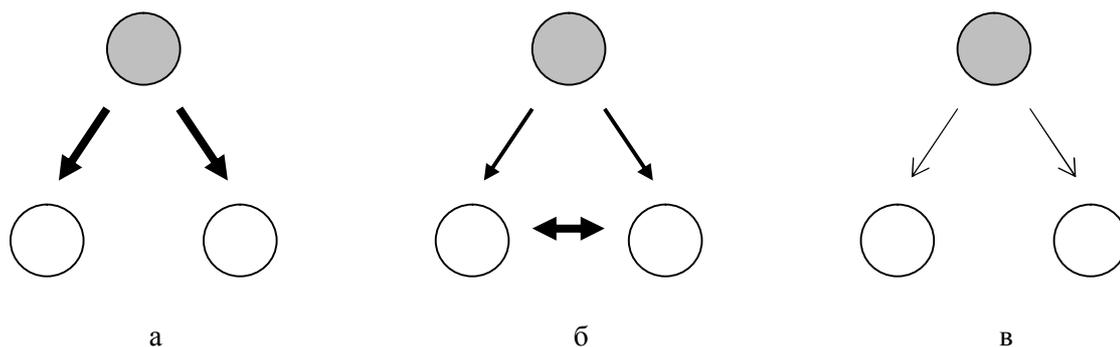

Рис.10. Типовые схемы социального управления на Востоке (а), на Западе (б) и в России (в).

Схемы характеризуют тип взаимодействия центральной власти (круг серого цвета) и управляемых территорий (светлые круги). Толщина стрелок характеризует силу связей между составными частями социума

Западная Европа в раннем средневековье была достаточно лесистой, сухопутные коммуникации были затруднены. Это способствовало политической раздробленности, слабости влияния центральной власти. Единство территорий поддерживалась в основном за счет горизонтальных торговых связей (см. рис.10б) и развития рыночных отношений (ярмарки, торговые взаимобмены).

В России плотность населения была чрезвычайно низкой (см. Приложение 1), территория - обширной и трудно проходимой, долгое время практически единственным средством

коммуникаций были реки. По существу, Россия представляла собой совокупность практически не связанных друг с другом островков населения, живущих натуральным хозяйством (см. [рис.10в](#)). Роль центральной власти на местах по существу была номинальной и экономически неэффективной («до Бога высоко, до царя далеко»), но объективная потребность в ней, тем не менее, существовала в силу необходимости обеспечения единства страны перед лицом внешних угроз (об этом говорилось выше). Вследствие этого на территории России возникло необычное явление. И на Западе и на Востоке при ослаблении центральной власти происходило усиление сепаратизма и центробежных тенденций, дезинтеграция территорий. Так, слабое развитие коммуникаций в Западной Европе в раннем средневековье способствовало длительному существованию феодальной раздробленности. Однако в России, где связь между регионами была еще хуже (что нашло отражение в известной поговорке о двух российских напастях - дураках и дорогах) и следовало бы ожидать еще большей дезинтеграции⁴, сформировалось централизованное Московское царство, что было бы невозможно, не будь поддержки снизу, со стороны широких народных масс. Реально, на российской равнине сформировалась система экономически не связанных друг с другом автономных территориальных «кластеров», функционирующих по принципу самоорганизации и самоуправления (ярким примером такой структуры является крестьянская община), объединение которых обеспечивалось за счет психологического фактора - осознания необходимости принадлежности к единому государству, *добровольного* подчинения центральной власти (несмотря на все ее изъяны). Когда такое осознание ослабевало, наступал период смут и распада, когда снова возрождалось - начинался период консолидации и экономического роста. Роль центральной власти в такой системе заключалась в мобилизации, концентрации и целевом распределении ресурсов на направления, обеспечивающие жизнеспособность общества. Во всем остальном «кластеры» действуют по существу автономно, исходя из реально складывающейся конкретной ситуации (то есть - по обстановке). Такая система даже при крайней нехватке свободных ресурсов обеспечивает высокую живучесть социума в экстремальных ситуациях: «кластеры» способны действовать самостоятельно для достижения общей цели даже в условиях, когда связь с центром прервана и централизованное управление отсутствует⁵.

Возвращаясь к вопросам, поставленным в начале данной работы, попробуем ответить на них, опираясь на результаты исследования устойчивости социальных структур.

1. Проведенный анализ показывает, что общества Западного и Восточного типа отличаются тем, что в них реализованы два способа институциональной организации, резко различающиеся по форме и содержанию, но обеспечивающие (и в том, и в другом случае) высокую устойчивость функционирования социума. Конкретные, реально существующие социумы в зависимости от сложившихся внешних условий эволюционируют либо к первому, либо ко второму устойчивому состоянию, приобретая черты либо Западного, либо Восточного общества (либо X-, либо Y-институциональной структуры). Промежуточные состояния неустойчивы, являются симбиозными и носят временный (переходный) характер.

2. В России ни то, ни другое институциональное состояние не могло реализоваться в своем «классическом» виде. Неоднократные попытки идти то по одному, то по другому пути воспринимались как шараханье из стороны в сторону, но не давали желаемого результата. Причина этого заключалась во влиянии российских геополитических и природно-климатических условий, делавших неэффективными «западные» и «восточные» рецепты повышения устойчивости социума.

3. Российская специфика заключалась в следующем. Живя в суровых природно-климатических условиях при наличии постоянного военного давления со стороны агрессивных геополитических соседей, русский этнос мог выжить только при наличии сильной центральной власти, аккумулирующей имеющиеся ресурсы для противостояния внешним угрозам. Поэтому основным социальным императивом в российских условиях был императив Восточных обществ - «*объединение слабых вокруг сильного*». С другой стороны, в силу недостаточности ресурсов, их концентрация была возможна только в результате *мобилизационных* мер, что ограничивало развитие рыночных отношений и неизбежно повышало внутреннюю конфликтность c_i в обществе. Кроме того, жизнь на русской равнине совместно с множеством других этносов была возможна только при установлении с ними добрососедских отношений (другими словами, при снижении внешней

⁴ Кстати, киевский период русской истории (IX-XIII вв.), когда страна во многом повторяла западный путь развития, закономерно закончился сильной раздробленностью (возникновением более пятидесяти отдельных княжеств на территории первоначально единого государства). Логичным завершением этого периода было монгольское завоевание.

⁵ Этим, в частности, объясняется высокая эффективность партизанского движения на территории России как в период Отечественной войны 1812 года, так и период Второй мировой войны.

конфликтности b_{ji}). Это - противоречивые требования, выполнение которых, как было показано выше с помощью логико-математических методов, приводит к увеличению параметра c_i/b_{ji} и, соответственно, к снижению социальной устойчивости и повышенной уязвимости общества Восточного типа. Единственная возможность повысить устойчивость общества (добиться $c_i/b_{ji} \ll 1$) заключается в резком снижении внутренней конфликтности c_i , в достижении единства социума с помощью как социально-психологических механизмов, так и целенаправленных административных мер. Наиболее значимыми и надежными являются социально-психологические механизмы, оказывающие влияние на формирование национального характера. В результате у русского этноса исторически сложились и закрепились такие психологические черты, как терпение, коллективизм, непротивление власти, толерантность к другим народам и культурам. Без этих черт характера независимое существование русского этноса и российской государственности *было бы невозможно*. Эти черты резко отличали русский этнос от остальных народов и были не проявлением слабости (как это порой тенденциозно трактуется), а психологическими механизмами, обеспечивающими его устойчивость и «живучесть» в критических условиях.

4. Психология русского народа, благодаря которой общество стало устойчивым даже в экстремальных условиях, предоставляла центральной власти кредит доверия в надежде, что он будет использован в интересах всего общества. Государство в России призвано быть сильным и ответственным. Оправдывало ли оно реально свое предназначение? К сожалению, скорее «нет», чем «да». Власть пользовалась ресурсами, предоставляемыми ей обществом, но часто распоряжалась ими бездарно, особенно в мирное время. И это - обратная сторона медали. Традиционный российский бюрократизм и коррупция - следствие слабости контроля над властью со стороны общества.

В условиях России сильная центральная власть - это благо. Власть должна сознавать свою миссию и стремиться оправдать кредит доверия. Но, понимая свою роль, она не должна устраниваться от решения социальных проблем и должна понимать, что имеет «родимые пятна», с которыми необходимо постоянно бороться - бюрократизм и коррупцию. Поэтому надо бороться не с центральной властью, а с этими ее врожденными пороками, и делать это должна *сама власть*, опираясь на общество. От того, насколько эффективно это получится, зависит будущее России.

Полученные результаты позволяют провести анализ причин системного кризиса, охватившего в конце XX века все стороны общественной и экономической жизни России и выражающегося прежде всего в кризисе национального самосознания. Либерально-индивидуалистические установки, культивировавшиеся в обществе реформаторами-рыночниками под лозунгом перевода России на рельсы западного, «цивилизованного» пути развития, вошли в противоречие с коллективистскими традициями российского менталитета. Различие социально-психологических установок в различных слоях общества порождает внутреннюю напряженность и нестабильность, является тормозом поступательного социально-экономического развития страны. Как разрешить данную проблему? Насколько фатальны имеющиеся противоречия? Можно ли плавно перейти от общества с коллективистскими социально-психологическими установками к обществу с либерально-индивидуалистическими ценностями? Что подсказывает российский исторический опыт?

Мнений на эту тему имеется много и они зачастую прямо противоположны. Результаты изложенных выше, а также в работах [23, 24, 25] исследований с использованием математического моделирования показывают следующее. Формирование социально-психологических установок в конкретном социуме решающим образом зависит от уровня материально-ресурсной обеспеченности и экономической независимости членов социума. Если ресурса в обществе много и он общедоступен, то начинают преобладать силы психологического «отталкивания» между членами общества, усиливается индивидуализм, стремление к полной самостоятельности. Если ресурс уменьшается и возрастают угрозы существованию социума, то его члены становятся все более взаимозависимы, возникает потребность во взаимопомощи, в объединении усилий ради общего выживания. Как следствие, усиливаются коллективистские тенденции в общественном сознании [26].

В свете результатов моделирования становится понятно, почему в России - в приполярном районе Евразии с суровыми природно-климатическими условиями - так живучи общинные традиции, почему коммунистические идеи, родившиеся в Западной Европе, нашли массовую поддержку и реализовались на государственном уровне именно на просторах бывшей Российской империи. Становится ясно, что российская общинность - не рудимент и признак отсталости (как часто приходится слышать), а естественный механизм социального выживания, выработанный в ходе исторического развития [20, 27, 28]. Результаты анализа закономерностей самоорганизации в российском обществе позволяют по-новому взглянуть на двухсотлетнюю историю попыток

социально-экономической модернизации России, последняя из которых протекает на наших глазах. Чтобы лучше понять то, что происходит сейчас, вернемся на два столетия назад.

Россия в то время представляла собой обширное аграрное государство, социально-экономическое развитие которого во многом определялось суровыми климатическими условиями. По суровости климатических условий Россию часто сравнивают с Канадой и Скандинавией. Однако это не совсем корректно. Подавляющая часть населения Канады живет вдоль ее южных границ в зоне степей и широколиственных лесов. Столица Канады Оттава находится примерно на широте Симферополя, а крайняя южная точка страны расположена на широте Батуми. Сравнение со странами Скандинавии показывает, что их климат существенно мягче российского из-за влияния Атлантики. Так, среднеянварская температура в Осло и Стокгольме - около 0...-2°C, а в Москве - около -10°C. Суровые погодные условия явились причиной того, что основной задачей, решавшейся русским народом во все периоды его истории была задача физического выживания. Это обусловило большую роль коллективных форм ведения хозяйства, живучесть общинной психологии.

Как уже отмечалось выше, бескрайние российские пространства были еще одним фактором, существенно влиявшим на развитие страны. Малая плотность населения, слабость развитости транспортной инфраструктуры (в силу слишком высоких затрат, необходимых на ее создание и поддержание) способствовали тому, что российское общество было разбито на слабо взаимосвязанные структурные образования (общины), основной задачей которых было обеспечение коллективного выживания в суровых внешних условиях [20].

Общины самоуправлялись снизу. Объединение их в общегосударственную структуру могло быть только сверху и неизбежно имело бюрократический характер: спонтанное формирование межобщинных структур в силу малой плотности населения и неразвитости коммуникаций было крайне затруднено (земства, как проявление местной самоорганизации общества, появились только во второй половине XIX века).

Положение усугублялось тем, что Россия была открытой системой без фиксированных границ (границы, то есть невозможность покинуть систему, способствуют кристаллизации общества, вынуждают к активному взаимодействию различных слоев населения и к поиску взаимоприемлемых социальных компромиссов). В России проблема несогласия с властью решалась в основном не борьбой с ней (что рано или поздно заставляло бы ее идти на уступки), а путем убегания от нее: активные элементы («пассионарии» по терминологии Л.Н.Гумилева [35]) бросали обжитые места в центральной России и уходили на юг, за Урал, в Сибирь, становились казаками.

Постоянный отток пассионариев ослаблял резистивность населения центральных областей, делал его более конформистским. Это облегчало задачу бюрократического управления, способствовало его устойчивости.

Слабая резистивность позволяла усиливать экономическую неравноправность отношений дворянства и крестьянства, что влекло за собой резкую имущественную поляризацию общества, усиливало X-свойства социальной системы. Возникающая в обществе социальная напряженность компенсировалась во внеэкономической сфере:

- построением системы патронажа на общинном и на общегосударственном уровне (батюшка-барин, царь-батюшка);
- освящением системы самодержавия государственной православной церковью;
- жесткостью бюрократической системы управления (директивной ССУ), усилением репрессивных органов (особенно, во времена правления Николая I).

В этих условиях Россия во второй половине XIX века включилась в процесс догоняющей модернизации, обусловленной необходимостью экономически и политически противостоять бурно развивающейся Западной Европе. Институционально это означало попытку пересадки на российскую почву элементов Y-структур (введение элементов демократизации, интенсификация рыночных отношений и др.).

Однако, как мы уже знаем, что переходные общества - структуры неустойчивые. Развитие капиталистических отношений стало раскачивать сложившуюся систему самодержавия. При этом, несмотря на поступательные темпы промышленного роста, их было недостаточно для того, чтобы успеть за убегающей Европой и Америкой. Отягчающими факторами были:

- низкая квалификация рабочей силы, высокие издержки производства, снижавшие конкурентоспособность российских товаров;
- отсутствие достаточных частных средств для резкого повышения уровня инвестиций в промышленность. Многочисленные иностранные займы ставили Россию в финансовую зависимость от Запада.

Процесс модернизации сопровождался имущественной поляризацией общества. Это связано с тем, что промышленность ориентировалась не на массового потребителя, а на производство военной продукции, заказчиком которой было государство. Крупная промышленность была

чрезвычайно монополизирована, но при этом не были обеспечены социальные гарантии бедным слоям населения. Прибыли обеспечивались не за счет всемерного повышения эффективности производства, а за счет низкой оплаты труда [36].

Здесь мы переходим к другой стороне вопроса. Как было сказано выше, общество с высоким уровнем имущественной поляризации может быть стабильным, если в нем выработаны компенсационные механизмы во внеэкономической сфере. Объективно, эти компенсационные механизмы в царской России конца XIX - начала XX века не укреплялись, а разрушались:

- новая система патронажа (которую должны были цементировать новые экономические отношения) в условиях первоначального накопления капитала не складывалась, а старая (вера в царя-батюшку) - рассыпалась;

- традиционная православная религия, намертво связанная с царизмом, была не способна выдвинуть новые идеи для обеспечения единства расколотого общества. С другой стороны, интеллигенция (в своей массе разночинная) в поисках альтернативной идеологии вооружилась социалистическими идеями, рожденными на Западе, обещавшими быстрое преодоление социальных болезней капитализирующегося общества. Эти идеи в России, с ее традициями коллективного сознания, быстро пустили глубокие корни. В результате деятельность интеллигенции привела не к консолидации, а к расколу общества. В расколотом обществе не могла сформироваться и укрепиться трудовая этика, стимулирующая широкие слои населения к высокопроизводительному труду;

- бюрократическая система самодержавия не справлялась с задачами управления. С одной стороны, царь опасался набиравших силу промышленников, ограничивая их самостоятельность, тормозя переход страны на капиталистические рельсы. Это стимулировало противостояние буржуазии и царской бюрократии. С другой стороны, уступки в части либерализации политического режима не позволяли властным структурам ужесточить репрессивные силовые методы борьбы с революционной интеллигенцией.

Особо следует сказать о столыпинских аграрных реформах. Они были направлены на разрушение крестьянской общины с целью стимулирования частной инициативы в деревне и создания широкого слоя зажиточных крестьян-фермеров, способных обеспечить рост эффективности сельскохозяйственного производства. Однако имущественное расслоение в деревне повлекло за собой социальную напряженность. В условиях России с ее тяжелыми природно-климатическими условиями община помогала обеспечить коллективное выживание крестьян. В ходе реформы из общины выходили, как правило, наиболее крепкие и работающие крестьяне. Это привело к ее ослаблению и к большей тягловой нагрузке на слабых. При этом было сохранено помещичье землевладение и, соответственно, малоземелье крестьян. В результате социальное недовольство в деревне резко возросло, подготавливая революционный взрыв.

Таким образом, политика модернизации России (перехода от X- к Y-системе) в условиях самодержавия привела к противоречиям, решить которые царское правительство оказалось не в состоянии. Трудности оказались системными: в тяжелых природных условиях в течение короткого промежутка времени необходимо было решить проблемы, которые Западная Европа с ее мягким климатом и плодородными почвами решала в течение столетий. Системе самодержавия, сформировавшейся на просторах России в условиях Средневековья, нужно было слишком много времени для трансформации. Резкое имущественное расслоение в ходе модернизации, не сопровождавшееся адекватными внеэкономическими компенсационными мерами, привело к дестабилизации общества. Для выхода из кризиса нужна была «внесистемная сила», основанная на отрицании существующих порядков, но в то же время использующая стереотипы мышления, свойственные российскому обществу X-типа. Процесс экономической модернизации должен был быть продолжен. Путей было два:

- либо уменьшение социального и имущественного расслоения с формированием устойчивого унимодального общества, основанного на «среднем классе» и характерного для Y-структур. Для этого необходимы были значительные материальные ресурсы, квалифицированная рабочая сила, высокая производительность общественного производства. Ничего этого у России не было;

- либо принудительная концентрация скудного прибавочного продукта в обществе для усиленного инвестирования экономической модернизации.

Большевики оказались теми, кто сумел реализовать второй путь развития в стране, разоренной двумя войнами (первой мировой и гражданской). Большевистский режим под антикапиталистическими лозунгами выполнил за капитализм работу по индустриализации страны. По существу, большевизм представлял собой форму фундаментализма, волна которого захлестнула ряд стран третьего мира во второй половине XX века. Большевизм вобрал в себя стихийный протест полутрадиционного по своей культуре общества против пороков царской модернизации, но объективно преследовал те же цели (однако, уже средствами не Y-, а X-системы). Опыт показал, что

эволюционный путь модернизации с опорой на верхи общества не может обеспечить одновременно и высокие темпы экономического развития и социальную стабильность. Необходимо было мобилизовать все общество и максимально увеличить норму изъятия прибавочного продукта для получения инвестиционных ресурсов.

Это было достигнуто путем предельной *централизации* и *монополизации*. То, что при капитализме (Y-система) было злом, при социализме советского образца (X-система) стало благом. Конкуренция была уничтожена (что снизило конфликтность в системе «свой - свой») и возник один сверхмонополист - государство. Сверхмонополизм позволил сконцентрировать все ресурсы страны в одних руках и целенаправленно направить их на решение задач модернизации, не считаясь с издержками. Максимизация свободных ресурсов достигалась за счет предельного снижения оплаты труда и нормы потребления. Для устранения возможности неконтролируемого утекания ресурсов и финансовых средств за границу все связи с внешним миром были монополизированы государством.

Устойчивость такой системы невозможно обеспечить экономическими методами. Большевики достигли устойчивости внеэкономическим путем - актуализацией сформированных в докапиталистической России стереотипов общинного мышления и жестким подавлением инакомыслия. Ради достижения целей капиталистической модернизации был осуществлен возврат в средневековье в сфере управления и идеологии:

- была реализована система *патронажа* («объединение слабых вокруг сильного») на основе огосударствления всех сторон жизни. Жизнь стала безальтернативной, хозяин один - государство, но этот хозяин обеспечивал выживание и гарантированный минимум материальных благ своим работникам;

- по существу, была возрождена религия, но не в лице православия, оказавшегося неспособным решить задачи модернизации, а в лице коммунистической идеологии, пропагандирующей *коллективизм* (необходимый для синхронизации усилий различных членов общества) и деятельное подвижничество. Эффективность коммунистической идеологии для мобилизации масс оказалась выше, чем у идей православия, поскольку она призывала не к смирению, а к активной деятельности и обещала рай не в загробной жизни, а на земле после скорой победы мировой революции. Была сформирована трудовая этика на основе стремления максимально приблизить светлое будущее личным трудовым вкладом в общее дело;

- одновременно были беспрецедентно усилены репрессивные меры в интересах создания однородного (когерентного) общества. Все, что вносило разногласие (буржуазия, интеллигенция, зажиточные крестьяне в деревне), было безжалостно уничтожено. С целью сохранения единомыслия была введена жесточайшая идеологическая цензура и обрублены все каналы обмена информации с западными странами («железный занавес», образ врага).

Таким образом, в условиях жесточайшего ресурсного дефицита и внешних угроз в России сформировалась X-система в своем крайнем проявлении. Эта мобилизационная система фундаменталистского типа (названная позже тоталитаризмом) была рождена в ходе отчаянной попытки выбраться из кризиса, в котором оказалась царская модернизация. Эта система оказалась способной сконцентрировать имевшиеся в государстве скудные ресурсы, направить их на развитие промышленности, быстро урбанизировать аграрную страну с подавляющим преобладанием сельского населения.

Большевики предельно упростили социальную систему с целью обеспечения управляемости общества в условиях сверхмонополизма ради достижения высоких темпов экстенсивного развития. Они ориентировались на бывших крестьян, покинувших деревню и оказавшихся в городе, дезориентированных, с полутрадиционалистским сознанием, жаждущих простых ответов на сложные вопросы и четких психологических установок. Пока люди такого типа составляли наиболее активную часть общества, и задачи модернизации можно было решать экстенсивными методами, эта система работала. Когда условия изменились - начала давать сбои.

Условия изменились, когда задачи модернизации переместились в область интенсивного развития. Стали требоваться высокий профессионализм, индивидуализация труда, творческий подход к производственной деятельности. Система, основанная на директивном управлении «сверху», обеспечить это не в состоянии. Необходимо ее усложнение на основе процессов самоорганизации «снизу», то есть на основе добавления Y-элементов в институциональную структуру общества. Субъектом самоорганизации, генератором творческого начала может быть высококвалифицированный и высокообразованный работник, самостоятельный и инициативный производитель, «средний класс». Появление такого экономического субъекта невозможно в сверхмонополизированной системе, для этого необходимо формирование унимодального общества.

Инициаторы реформ 90-х годов в России считали, что для перевода экономики на рельсы интенсивного развития, для запуска процессов самоорганизации, приводящих к возникновению «среднего класса» и унимодального общества, достаточно провести приватизацию государственной

собственности и отдаться стихии свободного рынка. Тогда X-система сама собой трансформируется в Y-систему. Однако, как показывает математическое моделирование, в условиях России это приводит к противоположным результатам. Россия относится к государствам с переходной экономикой, доступного ресурса не много, на всех не хватает. Либерализация экономики при неразвитости демократических институтов привела к быстрому имущественному расслоению, падению эффективности экономики и угрозе социального взрыва, поскольку в отсутствие социальных гарантий, которые ранее обеспечивало супермонополист-государство, большая часть населения оказалась за чертой бедности. Предпринимавшиеся в 90-е годы властными структурами меры по стабилизации ситуации оказались неэффективными:

- не было предпринято никаких усилий для формирования новой системы патронажа (например, такой, которая оказалась эффективной в Японии, где фирма несет ответственность за благосостояние своих сотрудников и существует система пожизненного найма). При этом старая система патронажа - государственная гарантия прожиточного минимума для граждан - рассыпалась вследствие того, что государство не имеет необходимых средств, добровольно отказавшись от собственности;

- надежды на создание трудовой этики на основе идеологии либерализма оказались тщетными, поскольку практика российской жизни убедительно показывает, что большие состояния появляются не в результате высокопроизводительного труда, а являются следствием криминальных и полукриминальных махинаций. Попытки возродить православие в качестве идейного синхронизатора общественной жизни оказались малопродуктивными: православие, в отличие от протестантизма (являвшегося идейным флагом западноевропейской буржуазии в период ее формирования) в социальном плане пассивно, ориентировано не на мирскую, а на духовную жизнь и в силу этого вряд ли может стать основанием активной трудовой этики, необходимой для мобилизации населения на высокоинтенсивную производственную деятельность;

- вместо логичного (в интересах эффективного проведения социально-экономических реформ) усиления управляемости социальными процессами, практиковалось ослабление управленческих связей, что привело к хаосу и фактической утрате центром контроля над экономическим состоянием в регионах [9].

Каков итог попытки одним махом перескочить из X- в Y-систему? Какова ситуация в современной России после полутора десятилетий либеральных реформ? Остановимся в основном на институциональных аспектах.

Как уже отмечалось, попытка перехода на западный путь развития привела к резкому социальному расслоению российского общества. С одной стороны, сформировалась новая торгово-промышленная, финансовая и государственно-бюрократическая элита, реально распоряжающаяся ресурсами страны и живущая по западным стандартам. С другой стороны, уровень жизни основной части общества существенно понизился, эта часть населения вынуждена ежедневно решать проблемы экономического и физического выживания. Проблема заключается в том, что эти два слоя живут в разных условиях: первый - в условиях избыточной (по российским меркам) материально-ресурсной обеспеченности, второй - в условиях ее крайней недостаточности. Соответственно, как показывают результаты математического моделирования, в этих двух слоях идут противоположные процессы социально-психологической самоорганизации. В первом слое усиливаются и укрепляются либерально-индивидуалистические тенденции в сознании, характерные для Y-системы, во втором слое - воспроизводятся коллективистские социально-психологические установки, свойственные X-системе. Таким образом, объективно идет прогрессирующий процесс разъединения российского общества на две социальные страты, отличающиеся не только уровнем доходов, но и - что более существенно - самим типом мышления.

Выше, а также в работах [13, 14] было показано, что речь идет о двух разных типах этических систем, в которых понятия «добра» и «зла» диаметрально противоположны. То, что приветствуется в рамках одной этической системы, осуждается в другой. Важно, что эти этические системы обладают свойством устойчивости, вследствие чего самопроизвольный и плавный переход между ними невозможен. Одна система может быть заменена другой только путем вытеснения [29], но не симбиоза; совместное их сосуществование в одном обществе приводит к постоянным психологическим конфликтам и дезорганизации социальной жизни.

В современном российском обществе приверженцами этих двух этических систем являются сторонники «правых» и «левых» идей. Эти социальные страты все менее и менее способны понять друг друга, что уменьшает возможность общенационального объединения, благодаря которому побежденные во второй мировой войне Германия и Япония преодолели послевоенный кризис и стали могучими экономическими державами. Современная ситуация в Российской Федерации напоминает ситуацию в послепетровской России, когда российская элита - дворяне - стали ориентироваться на западноевропейские стандарты в культуре и материальном потреблении, что в

конечном итоге привело к полному размежеванию дворянского и крестьянского миров и к социальному взрыву начала XX века.

Спецификой России являются высокие производственные издержки, обусловленные суровыми природно-климатическими условиями и не позволяющие достичь одинакового с западными странами уровня потребления для всего общества [30]. Поэтому бессмысленно надеяться на скорое появление в России многочисленного среднего класса, который в странах Запада является стабилизатором социально-политических процессов. Спонтанные экономические процессы в современной России ведут, как показывает моделирование [24], к усилению имущественной и социально-психологической поляризации и конфронтации социальных страт. В этих условиях важнейшую роль приобретает политика государственной власти. Задача национально ориентированного руководства страны заключается в целенаправленном влиянии (в отличие от западного принципа *laissez-faire*) на процессы социальной самоорганизации с целью смягчения разнонаправленных тенденций и консолидации общества [31]. В условиях России автоматизм решения социально-экономических задач - не более чем иллюзия (вспомним слова реформаторов-рыночников начала 90-х годов: необходимо лишь ввести в России рынок, а он сам все расставит на свои места). Невозможно прежде поднять экономику и лишь затем решать социальные задачи. Повышенная затратность российского производства (резко снижающая его конкурентоспособность) делает этот путь нереальным, он ведет лишь к усилению внутренних социальных противоречий. Путь должен быть другим: от консолидации общества, через осознание им общенациональных задач (как это было в Германии, Японии, Китае, странах ЮВА), через самоограничение и примат общенациональных задач над личными - к подъему и развитию экономики. Этот путь возможен только при условии целенаправленной политики государства в экономической, социальной, информационной сферах.

Здесь необходимо подробнее обсудить роль и место государства в социально-экономических процессах, идущих в современной России. Курс В.В.Путина на «укрепление вертикали власти», на усиление влияния государственных структур воспринимается либеральной частью российского общества как опасная тенденция, угрожающая продолжению реформ. На самом деле реальная опасность в обозримой перспективе угрожает именно государству как социальному институту. И дело здесь вот в чем.

Наиболее значимым по своим последствиям процессом в современном мире является процесс глобализации. Резко и необратимо изменяются сложившиеся на протяжении веков устои международной жизни. Одной из главных жертв глобализации является национальное государство. Бомбардировки Югославии весной 1999 г., оккупация американцами Ирака в 2003 г. резко понизили уровень суверенитета отдельно взятой страны. Произошел отход от Вестфальской системы (1648 г.) независимых суверенных государств, основанный на принципе незыблемости государственных границ. Аналогичные процессы идут в мировой экономике, где наблюдается резкая интенсификация транснациональных отношений, уменьшается значимость межнациональных барьеров, растет роль транснациональных компаний. Кроме того, серьезными факторами дестабилизации сложившегося миропорядка являются: усиление влияния религиозного фундаментализма, снижение авторитета международных организаций типа ООН, возрастание этнической нетерпимости, распространение оружия массового поражения, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Криминальные структуры по своему влиянию начинают конкурировать с национально-государственными структурами. При этом общепризнанным фактом является то, что современные информационные и коммуникационные технологии служат эффективнее индивидууму, чем государству.

Суверенитет национальных государств (и Россия здесь лишь подтверждает общую тенденцию) ослабляется сверху надгосударственными организациями (в том числе деятельностью транснациональных компаний), а снизу подрывается окрепшими в последнее десятилетие XX века самоорганизующимися этническими группами, сепаратизмом регионов. Первой жертвой усиливающегося этнонационализма как на Востоке, так и на Западе становится демократия: при идентификации «свой - чужой» по этническому признаку демократия (то есть равные права для всех) невозможна. Провозглашение Ф.Фукуямой в [32] «конца истории», обусловленного глобализацией, утверждением экономического и информационного единства мира, оказалось блефом. В эпоху глобализации, когда снято противостояние идеологических систем «капитализм - социализм», реальностью становится главенство этнонационального самоопределения. Государства, неспособные компенсировать прошлые обиды и удовлетворить будущие ожидания, обречены на

разрушение. Не современное нация-государство, а определяющая себя сама этническая группа может стать основным строительным материалом грядущего международного порядка.

Глобализация упрощает перемещения и перемешивание представителей различных культур. Но тот же процесс вызывает к жизни необходимость личностной поддержки в условиях, когда консолидированного внешнего врага нет, а есть противостоящая индивиду система отношений, в которую он погружен. Индивиду нужны союзники. Раньше это были братья по классу («пролетарии всех стран - объединяйтесь»). Сейчас деления на классы в привычном понимании нет. Закономерен поиск союзников по «естественным» признакам: родство, религия, раса, язык. Это дает начало возникновению социальной кластеризации на этнонациональной основе, возврату к донациональному трайбализму.

Мир, еще недавно делившийся на «первый», «второй» и «третий», принял новую конфигурацию - несколько цивилизационных комплексов: Запад, латиноамериканский регион, Восточная Европа (включая Россию), мусульманская цивилизация, индуистская цивилизация, конфуцианская цивилизация, Япония. Вопросы культурной идентификации становятся все более определяющими.

Каковы перспективы развития российского государства в этих условиях?

Для исследования вопросов устойчивости развития России в современном мире была разработана компьютерная модель [33], описывающая межгосударственное противоборство на основе математического моделирования конкурентной борьбы между различными странами. Результаты моделирования показали, что внутренняя устойчивость и сопротивляемость социально-экономических систем (включая государства и их союзы) к дестабилизирующим воздействиям различного типа в значительной степени зависит от отношения уровня антагонистичности отношений элементов внутри системы к уровню антагонистичности отношений между системами (аналогами этих характеристик в биологии является интенсивность внутривидовой и межвидовой борьбы). Другими словами, внутренняя устойчивость и консолидация общества повышаются, когда уменьшаются противоречия и снижается конфликтность внутри общества и, с другой стороны, когда возникает общий внешний враг (или общая угроза) [31].

Первый фактор - снижение конфликтности внутри общества - означает достижение национального единства, осознание общих целей всеми социальными слоями. В условиях растущего имущественного неравенства в многонациональном и многоконфессиональном российском обществе достижение единства является чрезвычайно сложной задачей. О необходимости государственного регулирования экономических отношений и проведении продуманной социальной политики в России говорилось выше. Важным самостоятельным вопросом является поиск объединяющих идей, консолидирующих многонациональное российское общество. Насажение вместо пролетарского интернационализма русского национализма приведет лишь к дальнейшей дестабилизации. Общим для всех народов, живущих на территории России, является суровость природно-климатических условий. Этот фактор, существенно усложняющий экономическое развитие, может, с другой стороны, оказаться точкой кристаллизации нового российского самосознания. Общие проблемы объединяют. Россия - это не просто географическое понятие, это цивилизация, объединение народов, задачей которых является выживание и развитие в суровых внешних условиях. Русские - это не просто народ в традиционном понимании этого слова (как совокупность индивидов, объединенных общим происхождением), это *способ выживания* в трудных условиях, основанный на взаимопомощи, способ социальной самоорганизации, культивирующий коллективистские ценности. В этом смысле все, кто долго живет в России, постепенно становятся русскими. Конечно, речь не идет о лубочной идеализации российского коллективизма (его отрицательными проявлениями являются склонность к иждивенчеству, подавление конкурентных начал в экономической деятельности и т.п.). Здесь речь идет о том, что коллективизм - естественный для российской цивилизации способ выживания и существования. Его не нужно ломать через коленку и искоренять во имя повышения экономической эффективности, его нужно использовать оптимальным образом, минимизируя имеющиеся у него отрицательные стороны. Высокая эффективность экономического развития достигается и в обществах с коллективистскими ценностями (Япония, Китай, Индия, страны ЮВА и др.). В России же есть свои - артельные - традиции, объединяющие экономическую активность с коллективистской психологией. Так что нужно лишь вдумчиво подойти к этой проблеме на государственном уровне.

Второй фактор, как правило, предполагает наличие в общественном сознании образа общего внешнего врага (или какой-либо другой угрозы), что способствует консолидации социума, несмотря на имеющиеся в нем внутренние противоречия. Часто правители государств ради снижения внутренних напряжений провоцировали внешнюю напряженность. Так было во времена «холодной войны», которую и США и СССР использовали для данных целей, а также для усиления своего влияния на союзные страны. Так происходит и сейчас, когда США, лишившись серьезного противника в лице СССР, усиленно раздувают образ врага в лице мирового терроризма, «стран-

изгоев» и т.п. Что касается России, то специально создавать образ внешнего врага в современной ситуации - безрассудно и недопустимо. Наоборот, сейчас очень важно не оказаться втянутыми в международные конфликты, необходимо сосредоточиться на решении внутренних российских проблем. Усиление рассматриваемого фактора может быть достигнуто не за счет усиления политической и военной конфронтации с другими странами, а за счет прагматичного позиционирования России в мировом сообществе, четкого формулирования и последовательного отстаивания своих национальных интересов и цивилизационных особенностей. Другими словами, должна быть достаточно высокая степень противопоставления России другим странам, но не конфронтационная, как во времена СССР, а культурно-цивилизационная, как это делают в настоящее время Япония или Китай. Регулирование этих процессов невозможно без четкой и твердой государственной политики. Усиление роли государства в современной России должно быть не следствием решения локальных внутривнутриполитических задач в борьбе между разными экономическими и политическими группировками, но результатом продуманной долговременной стратегии укрепления роли России в динамично изменяющемся современном мире.

Переводя все вышесказанное на язык институциональных терминов, можно сказать, что путь России - это не X- и не Y-система (не «Восток» и не «Запад»), а в силу ее цивилизационных особенностей - X_Y-система, соединяющая X- и Y-элементы при доминировании X-структур и коллективистских ценностей, с высокой ролью государственного управления (сильного центра) в различных сферах жизни. При этом будущее России существенным образом будет зависеть от того, сможет ли государственная власть стать эффективной и социально ответственной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: ООО "Издательство АСТ", 2003.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. - СПб.: Алетей, 2002.
3. Малков С.Ю. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели // Моделирование социально-политической и экономической динамики. - М.: РГСУ, 2004, с.76-188.
4. Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта.- М.: Радио и связь, 1989.
5. Маевский В.И. Введение в эволюционную экономику. - М.: Издательство "Япония сегодня", 1997.
6. Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. О проблемах физической экономики // УФН, 2002, т.172, с.1045-1066.
7. Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. Базовая динамическая модель экономики России (Инструмент поддержки принятия решений) // Препринт ФИАН № 1, 2001.
8. Чернавский Д.С., Малков С.Ю., Старков Н.И., Коссе Ю.В. Оборонно-промышленный комплекс и развитие экономики России // Стратегическая стабильность, 2004, №1, с.37-47.
9. Малков С.Ю. Политика с точки зрения синергетики // Стратегическая стабильность, 1998, №3, с.90-99.
10. Арманд А.Д. Иерархия информационных структур мира // Вестник РАН, 2001, т.71, №9, с.797-805.
11. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Лобов С.С. Логико-математическое моделирование социально-экономических систем. Методический аспект // Стратегическая стабильность, 2002, №3, с.27-44.
12. Лефевр В.А. Рефлексия. - М.: Когито-Центр, 2003.
13. Лефевр В.А. Алгебра совести. - М.: Когито-Центр, 2003.
14. Малков С.Ю. Этические системы: история и российская действительность // Рефлексивные процессы и управление, 2004, т.4, №1, с.48-61.
15. Ризниченко Г.Ю. Лекции по математическим моделям в биологии. Часть 1. Описание процессов в живых системах во времени. – Ижевск.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002.
16. Малков С.Ю. Дилемма "Запад – Восток": закономерности различий // Стратегическая стабильность, 2004, №3, с.9-18.
17. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. - 308 с.
18. Кирдина С.Г. X и Y-экономики: Институциональный анализ. - М.: Наука, 2004.
19. Нефедов С.А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток, 2003, №3, с.5-22.

20. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М.: РОССПЭН, 1998.
21. Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневекового Египта [<http://hist1.narod.ru/Science/Egipt/EgiptSV.htm>].
22. Прохоров А.П. Русская модель управления. - М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002.
23. Малков А.С. Математический анализ устойчивости социальных структур // Системы управления и информационные технологии, 2004, №4(16), с.62-66.
24. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. Российские модернизации последнего столетия в свете математического моделирования // Техничко-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. М.: ГЕО-Планета, 2000, с.215-238.
25. Малков С.Ю., Малков А.С. Моделирование социально-психологической устойчивости общества: особенности трансформации национального самосознания в современной России // Стратегическая стабильность, 2003, №1, с.61-66.
26. Малков С.Ю. Использование методов исследования устойчивости сложных систем для анализа условий стабильного развития стран европейского региона // Стратегическая стабильность, 1998, №2, с.81-92.
27. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. Математическое моделирование социально-экономических процессов. Применение моделей к анализу перспектив российских реформ // Стратегическая стабильность, 1999, №1, с.34-46.
28. Малков С.Ю., Малков А.С. О влиянии природно-климатических факторов на особенности социально-психологического и экономического развития обществ // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. - М.: КомКнига, 2005, с.49-69.
29. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков А.С., Малков С.Ю. Борьба условных информаций // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. - М.: КомКнига, 2005, с.88-102.
30. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. - М.: Форум, 2001
31. Чернавский Д.С. Модель целеполагания и идеологическое единство России // О социально-экономических проблемах России. Вып.7. - М.: РИИС ФИАН, 2002, с.41-59.
32. Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М.,1995.
33. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.С. Математическое моделирование геополитических процессов // Системные проблемы качества, математического моделирования, информационных и электронных технологий. Часть 7. Имитационное моделирование и конфликтология. - М.: Радио и связь, 2003, с.150-170.
34. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. - М.: РОССПЭН, 1998.
35. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: ЛГУ, 1989.
36. Красильников В.А. Вдогонку за прошедшим веком. - М.: РОССПЭН, 1998.

Приложение

Таблица 1 - Население отдельных стран в XV-XX вв. (в млн., территория - в изменяющихся границах)

Страна	1480 г.	1580 г.	1680 г.	1780 г.	1880 г.	1913 г.	1940 г.	1950 г.	1970 г.	1980 г.	1987 г.
Россия	2,5	5,4	10,2	27,8	84	159	194	179	243	266	282
Великобрит.	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0	41,5	48,2	50,6	55,6	56,4	56,9
Германия	0,8	1,0	1,4	5,5	45,7	67,0	66,6	47,8	58,5	59,7	59,3
Франция	12,6	14,3	18,8	25,1	37,4	39,8	39,8	41,7	50,8	53,9	55,6
США	-	-	0,2	3,1	50,2	97	132	132	205	228	244
Япония	30	36,6	51,3	71,9	83,2	104	117	122

Таблица 2 - Плотность населения отдельных стран в XI-XX вв. (человек на кв. км)

Страна	XI в.	1500 г.	1680 г.	1820 г.	1880 г.	1913 г.	1930 г.	1950 г.	1970 г.	1987 г.
Россия	2,5	5,8 ^а	0,2	2,4	3,8 ^б	7,5	7,5	8,3	11,3	13,2
Россия (евро. часть)	2,5	5,8	4,7	7,7	13,0	24,4	24,5	26,1	29,2	37,9
Великобрит.	14	23	32	66	112	182	189	207	228	233
Германия	16	48	84	124	139	193	236	239
Франция	...	31	36	57	69	74	76	76	93	101
США	-	-	0,1	2,1	6,5	12,3	15,9	19,6	22,2	26,0
Япония	81 ^в	106	145	161	229	277	328

а - 1462 г., б - 1870 г., в - 1800 г.

Таблица 3 - Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении мужчин (М) и женщин (Ж) в отдельных странах в XV-XX вв. (число лет)

Страна		1840-е	1870-е	1880-е	1900-е	1930-е	1950-е	1970-е	1980-е
Россия	М	24,6	28,0	29,0	32,4	44,0	64,4	63,0	63,5
	Ж	27,0	30,2	31,0	34,5	49,7	71,7	73,5	73,0
Великобритания	М	40,2	41,9	43,7	51,5	58,7	67,5	68,9	72
	Ж	42,2	45,2	47,2	55,4	62,9	73,0	75,1	77
Германия	М	...	35,6	...	47,4	59,9	64,5	67,4	71
	Ж	...	38,4	...	50,7	62,8	68,5	73,8	78
Франция	М	38,3	40,8	...	48,5	55,9	65,0	68,6	72
	Ж	40,8	43,4	...	52,4	61,6	71,2	76,4	80
США	М	38,3	41,7	42,5	48,7	62,0	66,7	67,4	71
	Ж	40,5	43,5	44,5	52,4	65,4	73,8	75,1	78
Япония	М	44,3	46,9	63,9	70,5	75
	Ж	44,7	49,6	68,4	75,9	80

Таблица 4 - Городское население в отдельных странах в XIX-XX вв. (в %)

Страна	1800 г.	1850 г.	1890 г.	1920 г.	1930 г.	1950 г.	1970 г.	1987 г.
Россия	8,5	7,2	12,5	15,0	23,3	39,0	56,0	66,0
Великобритания	21,3	39,5	72,1	78,0	80,0	80,5	79,1	76,0 ^а
Германия	...	26,5	47,0	62,9	66,0	70,9	82,2	94,0 ^б
Франция	9,5	14,4	37,4	46,7	49,0	54,4	70,0	73,0 ^в
США	3,8	12,0	37,7	51,4	56,2	64,0	73,5	74,0 ^г
Япония	17,0	18,1	32,0	37,5	63,0	77,0 ^д

а - 1973 г., б - 1986 г., в - 1982 г., г - 1980 г., д - 1985 г.

Таблица 5 - Урожайность зерновых культур в отдельных странах в XIX-XX вв. (в центнерах с га)

Страна	1888 г.	1913 г.	1921 г.	1929 г.	1939 г.	1953 г.	1970 г.	1986 г.
Россия	5,9	8,7	4,8	7,7	8,9 ^а	8,0	15,9	17,5
Великобритания	15,5	17,4	18,1	20,3	20,2	23,5	35,3	56,2
Германия	10,8	20,7	16,6	21,1	21,6	25,3	33,4	52,0
Франция	10,9	12,9	13,4	16,0	17,7 ^б	19,0	33,7	55,2
США	10,5	11,7	12,2	11,9	13,3	16,4	31,4	47,0
Япония	17,1	22,2	22,9	25,4	29,6	25,4	49,3	57,2

а - 1940 г., б - 1938 г.

Таблица 6 - Протяженность дорог в отдельных странах в XIX-XX вв.^а

Страна	1835 г.	1865 г.	1887 г.	1912 г.	1928 г.	1950 г.	1970 г.	1986 г.
Россия ^б	...	$\frac{62}{11}$	$\frac{105}{19}$	$\frac{31}{6}$	$\frac{32}{6}$	$\frac{177}{32}$	$\frac{512}{91}$	$\frac{827}{148}$
Великобритания	$\frac{204^в}{648}$	$\frac{210^в}{667}$	$\frac{190^в}{603}$	$\frac{258}{819}$	$\frac{288^г}{1180}$...	$\frac{323}{1324}$	$\frac{352}{1443}$
Германия	$\frac{426}{1270}$	$\frac{279}{516}$	$\frac{349}{744}$...	$\frac{376}{1516}$	$\frac{426}{1718}$
Франция	$\frac{74}{140}$	$\frac{266}{502}$	$\frac{514}{957}$	$\frac{576}{1073}$	$\frac{652}{1183}$...	$\frac{699}{1285}$	$\frac{717}{1318}$
США	$\frac{167}{36}$	$\frac{273^д}{59}$	$\frac{418}{53}$	$\frac{413}{53}$	$\frac{1066}{136}$	$\frac{2583}{330}$	$\frac{4783}{511}$	$\frac{5640}{607}$
Япония	$\frac{920}{2408}$	$\frac{910}{2446}$	$\frac{1015}{2728}$	$\frac{1127}{3030}$

а - числитель - длина дорог (в тыс. км), знаменатель - длина дорог на 1000 км² территории (в км). До 1912 г. дороги грунтовые и шоссейные, с 1912 г. дороги с твердым покрытием

б - европейская часть России, в - Англия и Уэльс, г - без Северной Ирландии, д - 1850 г.

Источник:

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Т.2. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С.377-410.